

ДИАНА МАШ

Охота на Волколака

Диана Маш

Охота на Волколака

<https://litres.ru/74206058>

Аннотация

1891 год. В уездном городе Китеже жила юная Сонечка. Вышивала крестиком, вязала крючком... Пока ее не убили, а в ее тело не вселилась я - студентка факультета судебной экспертизы София Леденцова. Как теперь быть? Я подумаю об этом завтра. А пока нужно разобраться с внезапно возникшим даром видеть призраков. И поймать кровожадного душегуба, держащего в страхе весь городок. Посильная задача... Если бы не полицейский пристав, считающий, будто я кручусь у него под ногами.

Содержание

Пролог	4
Глава 1, Где искусство требует жертв	7
Глава 2, Где место встречи неизменно	28
Глава 3, Где не пойман – не вор	51
Глава 4, Где призраки верят в тебя	75
Глава 5, Где жестокость – понятие относительное	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пролог

Мишка Осипов, известный в воровском мире славного города Китежа как Лапоть, пнул носком рваного сапога жирную черную крысу.

А нечего в поздний час дорогу добрым людям перебегать.

Признаться, так себе повод. Добрым, Мишка может и был, однако столь глубоко в душе, что и не разглядеть за хитрыми очами. К тому же, это еще как посмотреть, кто у кого на пути встал.

Крыса взвизгнула, да убежала по своим крысиным делам. А Лапоть остался подпирать кирпичную стену доходного дома на Прошкина. Ладони под мышками грел, кутаясь в потертую шинельку, с чужого плеча.

Зябко. Метель того и гляди разгуляется.

Спрятаться бы где, переждать. Да только четыре «красненьких» [1] и одна «синенькая», [2] шибко грели Мишкин карман. Мысли заманчивые покоя не давали.

Куда податься честному вору, ныне сменившему стезю рыболова [3] на престижную - голубятника? [4]

В кабак на Стольской, в коем сегодня сам Игла с цыганами песни распевал? Приказать подать графинчик водки, блины с закусками. Угостить лихой люд. Авось заметит Игла, под крыло к себе возьмет. Всяко лучше, чем в ночлежке ютить-

ся. Где либо клопы до смерти закусаят, либо, не ровен час, пером в бок...

Али на Балагуниху свернуть? Нет. Там дружки из прошлой жизни, в кою Лапоть больше ни ногой.

Пальцы нащупали теплые бумажки. Сердце радостно помчалось вскачь. Столько рубликов дотоле в глаза не видел. А нонче все свое.

Решено. На Стольскую, к Игле. Потратится изрядно, да и бог с ним. Глядишь, не убудет.

От Прошкина идти всего ничего. Кругом ни души. Оно и к лучшему. Занесенная снегом улица была узкой, как сточная канава. Фонари не горят. Их меняли, пытались чинить. Но Мишкина братия снова била почем зря. В темноте оно всяко проще чистить чужие карманы.

Откуда ни возьмись, дорогу заступила могучая фигура. Пришлось задрать голову, дабы увидеть, кто такой смелый.

– Гляди, куда прешь, малахольный!

– Лапоть? – голос не людской, а будто звериный.

Сверкнувшие зубы показались Мишке дюже острыми, длинными. Холодок нервный по позвоночнику прошел. Струхнул он не слабо. Сжал шило, что завсегда держал в кармане. Отошел на шаг.

– Ежели и так, тебе какая забота?

Незнакомец сверкнул жуткой улыбкой, более напоминавшей волчий оскал.

– Нашелся.

Тяжелые руки сжали Мишкины плечи. Тишину ночи нарушил глухой хруст.

Вскрикнув от боли, Лапоть сумел вырваться. Побежал, надеясь спрятаться в ближайшей подворотне. Но от судьбы, какой бы ты не был удачливый и верткий, разве ж удерешь?

[1] Десятирублевая купюра, прозванная так за красный цвет.

[2] Пятирублевая купюра, прозванная так за синий цвет.

[3] Рыболов - воровавший багаж с конных экипажей.

[4] Голубятник - вор, грабивший квартиры и пролезающий в них через дымоход.

Приветствую всех в новой истории о приключениях Сони и Гордея. Кто не читал 1 часть, она тут - <https://litnet.com/ru/reader/ohota-na-knyazya-tmy-b416377?c=4582889>

Глава 1, Где искусство требует жертв

– Сонечка, миленькая, только взгляни на это совершенство! – всплеснула руками Инесса Ивановна, остановившись напротив картины, изображающей сидящего на рябине нахохлившегося снегиря.

Десятого за сегодня. Предыдущие девять тоже удостоились звания совершенства и пятиминутки восхищения. Хотя, по моим скромным впечатлениям, ничего-то выдающегося – ну, кроме непропорциональных клювов – в них не было.

– Особенная цветовая гамма, невероятные приемы... Скукота.

Дернул же черт Глашу взять выходной, а нас с тетушкой, по дороге в новенькую кофейную, где ожидали чашечка утреннего кофе и шоколадный эклер, остановиться перед афишной тумбой с объявлениями?

Инесса Ивановна вдруг оказалась тонким ценителем искусства. В общем, дальше ее было не остановить.

Китежский музей живописи, в котором все выходные проходила выставка картин деревенских художников-пейзажистов, радовал лишь своими небольшими размерами. В основном это мрачное, не отапливаемое, продуваемое со всех щелей одноэтажное здание, где этим ранним январским

утром было не протолкнуться.

Людей - тьма. Мужчины, женщины, даже дети. Что явно указывало на скудность городских развлечений.

Пока тетушка охала и ахала над каждым медведем, елью и куропаткой, я старательно давила зевок и хмурила брови, строя из себя придирчивого критика.

Впрочем, одна картина все же привлекла мое внимание. «Столование купчихи Саблиной». С таким детальным изображением холодца, кулебяки, запеченного поросенка и заливного судака, что я едва слюной не подавилась.

Задержавшись у ней, я не заметила, как Инесса Ивановна умчалась вперед. Опомнилась, лишь услышав за спиной разговор на повышенных тонах, что часто служил предвестником бурной ссоры.

– Где картина, уважаемый? – рявкнул властный женский голос.

– Позвольте, их тут полон зал, – огрызнулся в ответ тонкий, мальчишеский.

– Ах, вы... Обманщик! Злодей! Мошенник! Обещались неизвестное полотно руки самого Василия Андреевича Тропинина выставить. Заради него такой путь проделала. Денег на вход не пожалела. Совести у вас нет!

Признаюсь, я тоже заинтересовалась. Припомнилось, что афиша зазывала взглянуть на неизвестную картину довольно известного даже в двадцать первом веке художника. Место которому в главном музее столицы. А уж никак не в закро-

мах уездного Китежа.

Скандал, между тем, набирал обороты.

– Шли бы вы, госпожа хорошая, подобра. А то ж городского кликну.

– Да я... да вы... да вас!

Обернувшись, я ожидала увидеть почтенную матрону, с повелительным взглядом, необъятными формами, трясущимся вторым подбородком. И несмелого юношу, дающему ей отпор.

Юноша был. Нескладный, долговязый, в черном костюме. Со смешно прыгающими темными кудряшками и завитыми усиками. Румяный до блеска и благоухающий валящим с ног резким запахом одеколона.

Щеголь и модник – как они сами себя величали. Мой же покойный дед, Прохор Васильевич, называл таких желторотыми птенцами.

А вот матроны не оказалось. Вместо нее сжимала кулаки хрупкая гимназистка в белом платье. Сверлившая парня полным негодования и растерянности взглядом. Мол, делай что хочешь, с места не сойду.

– Извольте объясниться, любезный, – вмешалась я в чужой разговор, пытаясь, однако, загладить вину милой улыбкой. – Барышня задала вполне резонный вопрос. У вас даже рамка, подписанная именем художника, имеется. А вместо картины – пустое место.

Я ткнула пальцем в стену у правого плеча юноши, заста-

вив его отскочить. Кадык задержался. Взгляд забежал. Пока не остановился на полу, у собственных ног. Парень печально вздохнул.

– Право, барышня, тут такое дело... Хозяин полотна Федор Иванович Задушевский, клятвенно обещался присутствовать на выставке вместе с ценным экспонатом. И, я полагаю, исполнил бы обещанное. Ежели б второго дня не отдал богу душу.

Неожиданно. Гимназистка ахнула, прижала ладони ко рту. Невпопад закивала и отошла. Оставив нас с молодым человеком наедине, любоваться на золоченую рамку от картины.

– Почему же вы не отменили выставку? Или не перепечатали афиши? Четыре дня - достаточный срок.

– До последнего уповали на милость безутешной вдовы. Полагали, госпожа Задушевская позволит нам использовать полотно. В сугубо благородных целях, разумеется. Однако, не до того ей, видимо. Впрочем, не удивительно, - юноша внезапно заозирался, шагнул ко мне и зашептал. - Слухи ходят, что продала она картину. А сама туману напускает, дабы газетчиков отвадить. Статеек гаденьких не допустить.

– Статеек?

– А как же? Мужа, мол, на тот свет свела, дабы богатствами всецело завладеть. А как же она свела, ежели он сам за жизнь не цеплялся? Мучился больным сердцем, а все одно -пил нещадно. Так-то вот, барышня, в жизни оно как.

– Откуда такие познания? – скопировала я подозрительный прищур одного своего знакомого пристава.

– Дык от сестрицы двоюродной. В доме господ Задушевских горничной служит.

Решив, похоже, что довольно трепать языком, юноша поспешил откланяться. И я бы даже ему позволила, чай разговор пустой вышел, но внезапно в поле зрения нарисовалась моя неугомонная родственница.

– Прошу простить, но у меня к вам будет небольшое дельце. Только ни о чем не спрашивайте, молю, – я схватила опешившего парня под локоток и понизила голос до заговорщицкого шепота. – Сейчас к нам подойдет моя тетушка. Скажите ей, что выставка закрывается и посетителям пора уходить. Поверьте, я в долгу не останусь. Щедро отблагодарю.

Что я поняла за полтора месяца жизни в Китеже – просто так здесь даже птицы по утрам не поют. А потому поспешно раскрыла свой плюшевый ридикюль, порылась в кармане, достала «убедительный довод» достоинством в целковый. И с усмешкой наблюдала, как он ловко исчезает в одном из карманов мужского костюма.

– Сами понимаете, любезный, дело тонкого обхождения. Глаза молодого человека блеснули, как у сытой кошки.

– Барышня, ежели мне что поручили, да я завсегда...

Договорить он не успел, так как с нами поравнялась Инесса Ивановна, державшая под мышкой укутанную в белую тряпицу картину. Заметив наш с юношей тесный контакт,

она удивленно приподняла выщипанные до ниточки брови. Пришлось срочно спасать положение.

– Тетушка, этот любезный господин только что сообщил мне, что выставка закрывается. Нам пора идти.

– Пора? - и взгляд такой пронзительный, словно ее обделили, как нищего едой на роскошном банкете. – Ни в коем разе! А как же неизвестное полотно Тропинина? Я прочла о нем в афише, полагала увидеть...

– Мне только что сообщили, что владелец картины, господин Задушевский, скончался и...

– Федор Иванович? – прохрипела старушка, хватаясь свободной рукой за сердце. – Да как же так?

– Вы были знакомы?

– С его супругицей Натальей Васильевной. Ходим по четвергам в книжный салон твоей крестной, Градиславы Богдановны Соловицкой. Господи, такой молодой...

– Говорят, сердце.

– Наташенька частенько жалилась, что оно у него шалит. Да кто же мог подумать? – покачала головой Инесса Ивановна. – Надобно ей отписать, принести соболезнования...

– Обязательно займемся, – закивала я, подталкивая тетушку к выходу. – Но для начала в кофейную. Мы еще даже не завтракали.

– Разумеется, Сонечка, – похлопала она меня по предплечью. – К тому же, я все уже посмотрела. Выставка оказалась на удивление скромной.

– Как жаль.

Жаль не было. Совершенно. Скорее даже наоборот. Еще час без чашечки утреннего кофе, к которому я крепко приобщилась в студенческую пору, и меня, от непрерывного стрекотания окружающих, ждет сильная головная боль.

– Довживников оказался неприлично хорош. Я купила одно из его изысканнейших полотен. Оно будто создано для нашей гостиной, Сонечка. Вот вернемся домой, покажу.

Я не стала выпытывать детали, решив устроить себе сюрприз. Сейчас у нас в гостиной висела картина с пасшейся на лугу коровой. Или быком. И тетушка также считала ее произведением искусства.

Уже на выходе, преодолев небольшую пробку, я вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернулась. И едва не расстелилась на холодном деревянном полу, узнав в стоящих неподалеку – вдовую графиню Бабишеву и ее сына. Моего несостоявшегося жениха.

Назревала неминуемая катастрофа. Я ощущала ее морозное дыхание у самого затылка. Впрочем, это мог быть банальный сквозняк. Не отменяющий, однако, того факта, что тетушку – с некоторых пор напрочь не переваривающую фамилию Бабишевы – необходимо срочно выводить на свежий воздух.

Ни с Акулиной Никитишной, ни с Сергеем я не виделась со дня суда, случившегося месяц назад. Где муж первой и

отчим второго выступал подозреваемым, а я - главным свидетелем обвинения.

С одной стороны, неудобно получилось. Все же соседи, давние приятели покойных родителей бедняжки Сони, едва не ставшие родней. С другой... сам виноват, нечего в честных девушек стрелять из трости.

Тетушку, что раньше души не чаяла в его сиятельстве, едва ли не молилась на нашу свадьбу, дни до нее считала, с тех пор словно подменили. Упоминание «гадкого» семейства стало под строжайшим запретом. И дело было не только в том, что приемный отец моего – на тот момент – жениха покушался на мою жизнь, и даже ранил в плечо, но и в целях, что преследовал Сергей, делая мне предложение.

Щедрое приданое.

Новость о том, что граф Бабишев разорен облетела все газеты со скоростью пули. От ее сиятельства вдовой графини тотчас отвернулись практически все знакомые. Его сиятельству, чтобы хоть как-то продержаться на плаву пришлось продать единственный земельный надел в пятьдесят десятин. И, как я очень надеялась, бросить все силы на поиски новой богатой невесты.

Несмотря на скверный характер его властной маменьки, зла я Сергею не желала. И Инессе Ивановне не раз говорила, что не стоит его ни в чем винить. А за что стоит – уже получил. Персона, в нашем небольшом городке, он более не знатная.

Признаться, какое-то время я даже подозревала его в убийстве настоящей Сони, девушки в теле которой я не так давно очнулась, закончив брэнное существование в двадцать первом веке. Но баллистическая экспертиза, проведенная судебным медиком Мещанского полицейского участка Полем Маратовичем Лавуазье определила калибр пули, выпущенной из принадлежащей Сергею трости.

Она оказалась в разы больше дырочки в новеньком платье, которое было на Соне в день смерти. К тому же, остались бы следы. Брызги крови. Добавить сюда звук выстрела, не услышать который было невозможно. И отсутствие мотива. Ладно бы это случилось после нашей свадьбы...

В общем, Сергей был вычеркнут из короткого списка потенциальных убийц. Чего не скажешь о его маменьке.

Пока она, задрав оба подбородка, недовольно поджимала губы и смотрела куда угодно, только не на нас, сам граф кивнул сначала мне, затем Инессе Ивановне. А после потупил печальный взгляд.

Нет, я бы, конечно, ответила. И ладошку для поцелуя предоставила – что ей стало бы, этой ладошке? – но тетушка, взяв меня под руку, так лихо для ее возраста встретила в людской поток, что нас, будто пробку из бутылки с шампанским, вытолкнуло на мороз.

Благо кофейная – она же по совместительству и кондитерская – «Монпансье», принадлежащая уважаемому в Китеже семейству Леви, владеющему также парочкой салонов

мужских и женских причесок и довольно приличной бакалейной лавкой, находилась всего в квартале от музея живописи. На очень подходящей для этого заведения улице Адмирала Пряникова.

У входа толпились экипажи, привозившие и забиравшие желавших полакомиться сладостями представительниц женского пола. От молодых барышень, до возрастных аристократок и купчих, что, сидя за круглыми столиками, обсуждали веяния моды или последние городские сплетни.

Мужчины здесь были не ко двору. Вернее, никто не мешал им зайти внутрь, чтобы купить пирожных или конфет. Но провожали при этом таким пристальным взглядом, что второй раз этот подвиг совершали единицы.

Запах шоколада кружил голову до звезд перед глазами. А аромат свежемолотого кофе дурманил мозги. Настоящее царство порока. Куда только смотрит полиция?

Заняв единственный свободный столик в самом углу, у окна, мы с тетушкой дождались официанта и сделали заказ. Желудок, в ожидании пиршества, сжался до размеров изюминки.

– И как у них только смелости хватило показаться на людях? – возмущенно заворчала Инесса Ивановна, комкая в тонкой ручке платок. – А ведь месяца опосля суда не прошло. Поразительная наглость.

– Будет вам убиваться, тетушка. Ни Акулина Никитишна, ни Сергей Данилович за Ефима Ефимовича не в ответе. От-

куда им было знать, что живут бок о бок с убийцей? Чай в крови при всех не купался, младенцев на завтрак не ел.

– Понимаю я все, душенька, – печально вздохнула она. – Однако ж и ты меня пойми. Я же верила им. Полагала Сергея Даниловича честнейшим человеком. Да он вырос на моих глазах... Отцы ваши дружили крепче родных братьев. Неужто не мог правду нам с тобой сказать? Ссудили бы в долг. Что ж мы не люди какие? Ведь не только себя, тебя едва не опозорил. Шепчутся, вон, всякие – дочку Леденцовскую заряди папеньких денег замуж позвали.

– Инесса Ивановна, такие пустяки, – махнула я рукой. – Не стоит переживать. Те более, что настой пустырника мы с собой не захватили.

– А ведь он приходил третьего дня. Вы с Глашей к модистке отлучались.

– Сергей Данилович? – удивленно захлопал я глазами.

– Он самый, – кивнула тетушка, пригубив чашку горячего кофе. – Прощение удумал просить. Я, разумеется, прогнала. А нонче сердце не на месте.

На Инессу Ивановну жалко было смотреть. До того исхудала, осунулась, переживая свалившиеся на нас напасти, что стала напоминать призрачную тень. Сначала мое ранение, узнав о котором тетушка целый день пролежала в постели. Без еды, принимая только Глашины микстуры. Затем новости о планах Бабишевых поправить свое состояние за

наш счет...

Я уже отчаялась заставить ее сменить тему, боясь, как бы снова сердце не расшалилось. Кофе на себя что ли пролить? Благо провидение, прочитав мои отчаянные мысли, сжалилось и послало спасительницу.

– Софья Алексеевна, вот так встреча! Вы даже не представляете, какое счастье видеть вас!

Дарье Спиридоновне Колпаковой, репортеру «Сплетника», одной из самых известных в Китеже газет, был к лицу жгучий январский мороз. Молочные щеки девушки покрыл яркий румянец. Глаза светились радостью и озорством.

Вкупе с меховым полушубком, как у сказочной Снегурочки, и толстой светлой косой, спадающей на плечо, она притягивала к себе взгляды. И не только продавца за прилавком, единственного мужчины в помещении, но и сидящих за столиками дам.

– Действительно, неожиданная, но очень приятная встреча, – улыбнулась я ей и кивнула на стоящий справа от меня и слева от тетушки не занятой стул. – Тоже решили себя кофейком побаловать? Присаживайтесь к нам. Свободных мест сейчас днем с огнем не сыскать.

Дарья, не задумываясь, согласилась, и вскоре нас за столиком стало трое. Напряженная атмосфера развеялась. Вернулся присущий кофейным уют.

Как выяснилось, в «Монпансье» Колпакова оказалась по чистой случайности. Собиралась провести кухню и решила

прикупить конфет для племянниц. А тут новая приятельница. Ну как не подойти?

Знакомство с Инессой Ивановной, к моей радости, прошло на ура. Обладающая мощной жизнерадостной энергетикой девушка заставила мою тетушку позабыть о Бабишевых и раствориться в светской беседе.

– Так холодно нынче на улице, кровь в жилах стынет, – поежилась Дарья. – Но солнышко такое яркое. Кому охота по домам сидеть?

– Вот и мы о том же с Сонечкой подумали, – закивала Инесса Ивановна. – Встали засветло. На выставку наведались. А после уж сюда.

– Не та ли это выставка, где обещались неизвестную картину Василия Андреевича Тропинина публике явить, а по итогу – шиш?

– Она самая. Однако ж там такая печальная история... – тяжело вздохнув, тетушка пересказала Дарье все, что знала о скоропостижной кончине владельца холста, закончив причитаниями о незавидной судьбе бедной вдовы.

Колпакова поохала, покачала головой, но, видимо, ввиду профессии, не привыкшая долго горевать, поспешила сменить тему.

– Софья Алексеевна, не взыщите, но я должна признаться, – девушка молитвенно сложила руки в ответ на мой вопросительный взгляд. – Не удержалась, рассказала нашему издателю Дмитрию Андреевичу Бессодько все как на духу.

– О чем же?

– Так известно о чем. О том, как вы, храбрейшая из женщин, избавили город от Князя Тьмы.

А вот это неожиданно.

– Как вы узнали? Господин пристав обещал молчать.

– Газетчиков полиция ни в грош не ставит, – посетовала Дарья. – Но всем языки не оборвешь. Невидаль какая, хрупкая барышня выводит на чистую воду кровожадного душегуба. Китеж достоин знать своих героев. И я, как городской репортер, намеренна бросить все силы, дабы ваше имя, Софья Алексеевна, попало в анналы истории.

Я закашлялась. Инесса Ивановна, нахмурившись, постучала мне по спине.

– Извольте, Дарья Спиридоновна, – обратилась она к Колпаковой. – Как вы собираетесь этого добиться?

– Посильными мне средствами, Инесса Ивановна. Напишу о вашей племяннице статью. Господин Бессодько клятвенно обещался выбить под нее первую полосу. Но в ближайшее время все они заняты анонимными пасквилями художественного критика, называющего себя Спиритус. Давеча разметал в пух и прах повесть самого Чехова «Скучная история». Назвав ее неудачным подражанием Льву Николаевичу Толстому. Додуматься только! Ежели желаете знать мое мнение – полнейшая чепуха. Голая дилетанщина, рассчитанная на тех, кто ничего не мыслит в литературе. Однако ж статья возымела успех среди читателей. И нынче он наш первый и

самый лучший репортер, – Дарья так сильно сжала в ладони салфетку, что костяшки пальцев побелели. Заиграли на лице желваки. – Ну да ладно. Держу пари, наша статья всякого Спиритуса потеснит. Даже название придумала – «Великая сыщица. Охота на Князя Тьмы». Как, по-вашему, звучит?

– Оригинально, – вымучила я улыбку. – Но мне кажется, это лишнее...

– Отнюдь. Женщин, чье имя у всех на устах, по пальцам одной руки пересчитать. Вот и живем... в сером и мрачном мужском мире. Ежели переживаете за огласку, так я детективный рассказик могу написать, с припиской – основано на реальных событиях. Уже вижу начало – «Ночь. Хруст снега под ногами. Кровожадный тать рыщет в поисках невинной...»

– Кхм, – поперхнулась я.

– Пожалуй, вы правы, – задумалась Дарья. – «... В поисках умудренной жизненным опытом барышни, задумавшей прогуляться по Перемейскому парку».

– Прелестно, – поаплодировала тетушка, которая, впрочем, слишком впечатленной не выглядела. Оно и понятно, свежа в памяти нанесенная мне этим самым татем рана, которую ей пришлось бинтовать.

– Благодарю, – смущенно улыбнулась Колпакова. – Я еще вот что подумала... А ежели это будет не рассказик, а роман с продолжениями? В каждой серии которого «великая сыщица» будет расследовать все новые и новые преступле-

ния...

– Не слишком ли много детективных дел для одного небольшого городка? - не сдержавшись, хмыкнула я.

– Ваша правда, – печально вздохнула она, но грустила не долго, внезапно яркий свет снова озарил ее глаза. – С месяц назад у нас в Китеже была найдена убитой выдающаяся личность. Столичный медиум – госпожа Амадея. Чем не новое дело для «великой сыщицы», Софья Алексеевна?

Взгляд у Дарьи был, скорее, заинтересованным. Тоненькая морщинка прорезала гладкий лоб. Поди пойми, действительно ли только что вспомнила об отшумевшем месяц назад убийстве или знает, что это я нашла тело?

Ни единой зацепки, свидетелей, улик. Лишь еле заметное темно-бордовое пятнышко на платье, вокруг такой же едва видимой дырочки в области сердца.

Знакомая картина. Но не могла же я признаться Ермакову, что уже видела подобное в зеркале, когда пришла в себя в теле невинно убиенной из такого же непонятного орудия Сонечки?

Вряд ли он вызвал бы санитаров, но у виска пальцем однозначно бы покрутил.

Две недели поисков, опросов соседей и знакомых не дали ничего. Дело зависло. А с ним вместе и мой шанс узнать, чего же хотела от молодой барышни медиум? Неизменно одно, обе эти смерти каким-то образом связаны с отцом Сонечки.

Предполагаемым любовником госпожи Амадеи.

– Я наслышана об этом убийстве. Но, насколько мне известно, им занимается пристав Изюмского участка, ведь все случилось на его территории. А он, в отличие от Гордея Назаровича, категорически против привлечения посторонних сил.

– Вот же чванливый дурак, – заскрипела зубами Колпакова. – Простите покорно, Инесса Ивановна, мне довелось быть представленной этому типу. Мужлан и индюк. Иных званий ему не дано.

Сложно было с ней не согласиться. Петр Семенович Овсянников, пристав Изюмского участка, офицер старой закалки, считающий, что место женщины у плиты. Такой и святого вывел бы из себя. А так как до святой мне, как пешком до луны, обозвала его недалеким ослом и зареклась переступить порог его кабинета.

– Помнится, доводилось мне присутствовать на одном из сеансов госпожи Амадеи, – перебил мои невеселые мысли спокойный тетушкин голос. – Прелюбопытная, надо признать, особа. Таинственная. Будто неземная. Известие о ее кончине повергло в шок половину города. У кого только руки поднялись?

– По запросу редакции, я готовила некролог, – перешла на громкий шепот Дарья. – Беседовала со знакомцами госпожи медиума. Прознала, что она использовала гипноз, и клиентов принимала в мебелирашке на Сиреневом. Промеж них

были даже мужчины, жалующиеся на застой интимных жидкостей в организме. А госпожа Амадея устраивала им личное лечение в уединенной обстановке. За высокую плату, разумеется. Я не поверила своим ушам. Подумать только, как пали нравы! А что, ежели один их оных господ, возмущенный результатом, ее и убил? Люди, иной раз, за-ради пустяков идут на страшные преступления. Вот давеча...

Дарья продолжила рассуждения на тему загадочной людской природы. Инесса Ивановна, опешившая от столь пикантных подробностей чужой личной жизни, позабыла о кофе и пирожных, открыла рот и слушала сбивчивый рассказ. А я, с трудом подавив зевок, положила локоть на стол и оперлась щекой на руку.

Ленивый взгляд мазнул по стеклянной витрине. Глаза вдруг расширились и - *как там говорилось в басне?* – в зобу дыхание сперло.

Прямо напротив меня, за окном, застыла мужская фигура. Молодой парень в зимней шинельке на худых плечах. С чуть косившим, явно сломанным в драке носом. Короткий ежик светлых волос. Взгляд растерянный. На вид, нет и двадцати лет. Лицо осунувшееся и... мерцает.

Знакомо так. Образ ходит рябью. Сердце пропустило удар.

Прошел всего месяц, как провидение избавило меня от одной назойливой призрачной особы. И нате вам. Еще один.

Может, если сделать вид, что я его не вижу, он... исчезнет?

Поздно.

Парень успел поймать мой полный удивления взгляд. Его брови сошлись в одну хмурую линию. Открыв рот, он без труда прошел сквозь стекло. Пролетел над головами присутствующих дам. Приблизился ко мне вплотную.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы продолжить безмятежно пялиться в окно. Хотя глаз - *правый* - так и норовил скоситься.

Привидение, как оказалось, не проведешь. Он завыл. Заискрил. Прозрачное тело начало приобретать плотные - словно вата - очертания. Последним ударом стал умоляющий, как у побитого щенка взгляд. Противиться более я была не в силах.

Что ему от меня нужно? Так, надо вспомнить. В прошлый раз, госпожа Немировская не успокоилась, пока я не нашла ее тело. Затем убийцу. Черт, и не отвяжется же теперь.

Только нового преследователя мне не хватало. И ладно бы еще приличная женщина. Этот - мужчина. И, судя по внешнему виду, из самых низов.

Пырнули ножом в драке, или неудачно ограбил кого. В любом случае, ничего хорошего это, новое дело, мне не сулило.

Вой парня превратился в жалобный гул. Сердце сжалось от боли.

– Тетушка, Дарья Спиридоновна, – обратилась я к спутницам, поднимаясь со стула. – Вынуждена покинуть вас ненадолго. Но скоро вернусь. Кажется... кажется, в окне мелькнул один мой знакомый.

Завернувшись поплотнее в полушубок, я толкнула плечом дверь. Шквал острых снежинок ударил в лицо. Волосы растрепал порыв ветра.

Призрачный парнишка, постоянно оглядываясь, будто боясь, как бы я не исчезла, поплыл вперед. Нырнул за угол. Дождался меня. И снова поплыл по узкой улочке. Такой темной и неприветливой, что я задумалась – а не повернуть ли обратно?

Вскоре мы оказались во дворе обветшало́го, увитого сухими виноградными лозами дома. Укутанный в старое пальто дворник мел мостовую. Молодая женщина развешивала белье. Седой старик сидел на табуретке, курил папиросу и чистил сапог. Он проводил меня внимательным взглядом.

Парнишка далеко улетать не стал. Завис напротив небольшой деревянной двери, ведущей в подвал. Прошел сквозь нее. Вернулся обратно.

Замка не было.

Схватившись за холодную железную ручку, я дернула ее на себя. Та поддалась. Легко. Наружу вывалились подпиравшие дверь ноги. В нос ударил заставивший поморщиться прелый тошнотворный запах.

Завершил трагичную картину раздавшийся за спиной ис-

тошный женский крик.

Глава 2, Где место встречи неизменно

Народу во дворе скопилось, что селедок в бочке. И жильцов небогатого дома, которым даже лютый морозец нипочем – кто-то перед выходом успел лишь портки натянуть, – и праздных зевак.

Детвору не гоняли. Она, то и дело норовила прорваться сквозь толпу, взглянуть на «подвального покойника», как его успели окрестить присутствующие. А вот позвать полицию никто не додумался.

Пришлось действовать самой.

– Эй... милейший... – крикнула я тучному господину в меховом пальто, что единственный старался уговорить особо ретивых, постоянно приговаривая «тихо, тихо, господь с вами». Вроде выглядел как вполне себе адекватный мужик. – Да-да, к вам обращаюсь. Извольте кликнуть городского, пусть за приставом пошлет.

Он удивился, но спорить не стал. Быстро исчез в людской массе. А его место занял тот самый сидевший на табуретке седой старик.

– А ты, красавишна, кто такая будешь? Чего забыла тут?

– Дык, это она покойника нашла, – громко вторила ему еще недавно развешивающая белье девица. – Вчерась я ха-

живала, крыс потравить – никого-то там не было. А теперича глянь.

– Не подходите близко, – одернула я ее, когда та попыталась прорваться в подвал. – Это место преступления, тут могут находиться улики...

– Улики... улики, – передразнила она меня. – Каки-таки улики, ежели я самолично видала, как вы, барышня, вокруг подвала ошивались? Верно за ручку вас кто вел. Чай знали, где искать?

– Вы меня в чем-то обвиняете? – нахмурилась я и, на манер этой девицы, уперла кулаки в бока. – Прежде чем ответить, имей в виду, я – личная помощница полицейского пристава Мещанского участка Гордея Назаровича Ермакова. И клеветы в свой адрес не потерплю.

Кто бы не придумал фразу «Лучшая защита - нападение», он был чертовски прав. Храбрая девица живо стушевалась. Глаза забегали. Отступила на пару шагов и скрылась в толпе.

Люди, что стояли рядом, тоже отодвинулись, дав мне больше свободного пространства. Выражения их лиц стали задумчиво-почтительными. Кто-то вызвался гонять особо наглых ротозеев.

Воспользовавшись моментом, я повернулась к распростертому неподалеку телу парнишки, над которым, гулко заывая, кружил его призрак. Мысленно посетовала на отсутствие фонарика или, в крайний случае, масляной лампы. В

подвале было темно, хоть глаз выколи. Прижала платок к носу. И склонилась, пытаясь разглядеть лицо покойного.

Да уж, потрепали его не слабо. Рукав шинели оторван. Длинная шея вывернута под неестественным углом. Кто ж тебя так, парень? Возможно, были и другие повреждения, но я решила повременить с детальным осмотром до приезда Гордея и Поля Маратовича Лавуазье.

– Ох и досталось бедняге, – тяжело вздохнул один из мужчин. – Малец совсем. Чутка старше сынки мово.

Вперед выступил едва державшийся на ногах дед, от которого даже на расстоянии несло водкой и квашенной капустой.

– Волколак энто. Вот вам крест! – осенил он себя нетвердой рукой.

– Проспись, малохольный, – махнула на него не молодая, но статная женщина. – Волколаки ему мерещатся.

– Сама погляди, Марфушка. Каку ж силищу иметь надобно, шею этакому жеребцу заломать? Волколак энто. Отец мой еще живой был, сказывал. Много годков минуло, в наши края человек пришлый пожаловал. Одет вроде прилично, да заношенна одежонка до дыр. Напросился к вдове работничком. Служил справно. Да нелюдим был. Жил на сеновале, там и ел. Вдовья дочка замечать стала дивное. Дескать, человек хлеба и каши сторонится. Токмо мясо брал, да молоко пил. А как полная луна на небе взойдет, на окраину и в лес уходит. Возвертался токмо на утро. Задумала девица за

ним проследить. Прокралась незаметно. На опушку вышли. Глядит, он портки сымает, кувыркнулся через плечо и обратился в волка. Она в крик. Бросилась наутек, да заплутала в чаще. Не найди ее волк, сгинула б поди. А мож и сгинула? В дом ни она, ни человек не вернулись более. Однако, люди говаривали, опосля, в лесу, видали молодку с младенчиком, а на спине у него волчья шерсть.

– Будет тебе сказки сказывать, дед Митяй, – отмахнулась от старика Марфа. – Токмо детвору пугать...

Они продолжили пререкаться, на потеху толпе, но я уже не следила за разговором. Мое внимание привлек сжатый в кулаке покойного комок. То ли салфетки, то ли бумаги. Пришлось пожертвовать платком. Как оказалось, не зря. Парень-то не бедный. При деньгах. И не малых, судя по цвету купюр.

– Мать честная, Софья свет Алексеевна? Да свидимся ли мы с вами, голубушка моя ненаглядная, при иных обстоятельствах?

Хриплый, с простуженными нотками голос заставил вздрогнуть и задрать голову. Прямо надо мной возвышался пристав. Гордей Назарович Ермаков. В темно-зеленом пальто, с серебряными погонами. Ворот поднят. Сдвинута набок шапка из черной мерлушки, с бляхой в виде орла.

Рука в белой перчатке сжимала рукоять шашки. Усталый-насмешливый взгляд, скользнув по моему лицу, вернулся к покойному, став жестко-колючим. Изумрудную зелень глаз

затопила холодная чернота.

– Разойтись!

Услышав краткий приказ, все зеваки, казалось, похудели на глазах. И, не споря, отступили на приличное расстояние.

Даже призрак перестал быть. Вылетел из подвала, удивленно захлопал глазами и завис в воздухе.

За две недели, что прошли с нашей последней встречи, где мне было строго-настрого запрещено вмешиваться в расследование господина Овсянникова, Гордей почти не изменился. Если только слегка.

Белки глаз покраснели. Шмыгает носом. Все признаки сильной простуды. Где только подхватить умудрился? И почему вместо того, чтобы лежать дома, попивая разбавленный малиновым вареньем чай, выезжает на дела?

Оценив мощь внушительной фигуры и крепость в плечах, я перевела смущенный взгляд на стоявших за его спиной Поля Маратовича и рыжеволосого помощника – Якова. Приветственно махнула обоим.

– Ваша правда, Гордей Назарович. Обстоятельства наших встреч отличаются удручающим однообразием.

– Я уж задумываюсь, а не приносите ли вы несчастье?

А вот это уже обидно!

– Мне просто... не везет. А вы вместо того, чтобы возводить напраслину, пожелали бы лучше доброго дня.

Видимо, моя шпилька, по поводу чересчур уж фамильярного обращения, достойного, скорее, его сотрудников, а не

приличной молодой барышни, попала в цель. Пристав громко чихнул, потупил взгляд, сел рядом на корточки.

– Был бы он еще добрым, – прошептал еле слышно. – Голова, как чугунная.

– Вам бы дома отлежаться.

– Вот еще. Я, Софья Алексеевна, человек служивый – всегда на посту.

Мне хотелось ответить, что ни одна работа не стоит угробленного здоровья, но тут к нам присоединился господин Лавуазье. И осветил масляной лампой черное нутро подвала.

– Софья Алексеевна, исключительно рад встрече, – от судебного медика пахло густым французским парфюмом, перебивающим царящий в воздухе отвратительный аромат. – Так-с, что тут у нас...

– Ничего тут не брали? – вопросительно приподнял правую бровь Ермаков.

– Ничего не трогала, ни к чему не прикасалась. Даже старалась лишний раз не дышать, – ответила я с видом невинного младенца. Но зажатый в ладони платок с новенькими купюрами, не остался без его настороженного внимания. – Ах это... Нашла у парня в кулаке. Похоже, здесь случилось не ограбление.

Гордей насупился, а Лавуазье, закрутив кончик уса и поправив пенсне, откинул шинель с груди трупa. Приподнял сорочку.

– С избытком синяков, ссадин. Смею предположить, про-

изошла драка. По всем признакам трупного окоченения мальчишка преставился восемь - девять часов как.

Воспользовавшись светом лампы, я склонилась к лицу покойного.

– Полагаю, причина смерти – свернутая шея.

Поль Маратович проследил за моим взглядом.

– Потребуется полный осмотр тела. Однако, по предварительному заключению... вынужден с вами согласиться.

Гордей, молча слушая наш разговор, поджал губы до тонкой линии. Прошелся рукой по краям шинели, нырнул в карманы, вытащил шило, отложил его. Затем коснулся одного из темных пятен на ткани. Растер пальцы, поднес к носу. Чихнул.

– Сажа? – уточнила я.

– Она самая, - пробормотал он и уже громче добавил. – Яшка, рот прикрой – муха влетит. Тащи фотоаппарат. И запись веди, оформишь протокол.

– Будет исполнено, Гордей Назарович, – подбоченился рыжий парнишка, прежде чем броситься обратно к полицейскому экипажу. Достать с заднего сиденья ящик на треноге и, под удивленные взгляды ротозеев, затащить его в подвал.

– Закончишь, подкати сани, – отдал приказ пристав, прежде чем подняться. – Тело загрузим и в участок.

Протянув руку, Гордей, без особых усилий, поставил меня на ноги. Обдав присущим только ему запахом морозной свежести и ваксы.

– Сонечка! – раздался вдруг вдалеке полный беспокойства тетушкин голос.

– Софья Алексеевна! – вторил ему не менее взволнованный, Дарьин.

Как же не вовремя. И откуда только прознали?

Прежде, чем дорогие мне особы успели приблизиться к месту преступления, я рефлекторно схватила опешившего Ермакова за обвивающий ворот белый шнур, что крепился к поясной кобуре, и потянула на себя.

– Не смейте без меня уезжать, – громко зашептала ему в лицо. – Я тоже хочу присутствовать при осмотре.

– А это как вам будет угодно, Софья Алексеевна, – сверкнул он своим фирменным прищуром. – Заодно поведаете, с какой такой радости вы тут так удачно взялись.

Дорога до Мещанского участка прошла в тягостном молчании.

Полицейский экипаж потряхивало на особо скользких участках. Поль Маратович что-то писал в свой блокнот. Пристав, откинувшись на спинку сиденья, сопел и покашливал. А я грызла ноготь. Так усердно, что даже мучившее с утра чувство голода притупилось.

Или это от стресса?

Все же день выдался до крайности нервным.

Сначала этот призрак, будь он неладен. В окно его сейчас не видно, но как пить дать – летит за нами. Затем найденный

мною труп...

Вот как я объясню Ермакову, каким образом очутилась в том подвале? А то, что объяснять придется – факт.

Еще тетушка устроила представление, едва не упав в обморок прямо посреди людного двора. Пришлось просить Яшку довезти ее до дома. Хотя у него с опросом жильцов и так дел невпроворот.

Затем Дарья с Гордеем сцепились:

– Пресса бывает полезна!

– Полезна, как клок шерсти с поросня!

Не дал даже взглянуть на тело. Застрашал ее всеми карами небесными, схватил меня под ручку и усадил в экипаж.

Если он надеялся, что таким образом избежит завтрашней статьи в «Сплетнике» о найденном покойнике, то очень зря. Судя по яркому блеску глаз Колпаковой, так просто она не сдастся. За наше недолгое знакомство, я успела ее изучить.

Поговорит с местными, поспрашивает ротозеев. Материал для статьи определенно будет. Но вот какой?

С репортерами лучше дружить. В двадцать первом веке это общеизвестное знание. Жаль, пристав пока не понимает.

Сидит напротив. Кутается в ворот офицерского пальто. Нарушает душную тишину своим хриплым дыханием.

– Поль Маратович, вы не могли по приезду приготовить солевой раствор? В стакане теплой воды размешать по одной чайной ложке соли и соды, и добавить пару капель йода?

– Без сомнений, милейшая Софья Алексеевна. Но для ка-

ких целей?

– Гордею Назаровичу необходим срочный курс полоскания горла и промывания носа. Первейшее средство от простуды.

Судя по сведенным в одну линию бровям, у пристава мой план не вызвал восторга. Но, видимо, сил на споры не осталось. Он предпочел прикрыть глаза и помолчать.

– Наслышан, наслышан, – заметно оживился Лавуазье. – Индийские йоги, пишут в журналах, используют для этого специальные чайнички.

– Мы и без чайничков обойдемся. Главное – результат.

Снаружи послышалось звонкое «тпру». Лошади остановились напротив заснеженной дорожки, ведущей к парадному крыльцу. Поль Маратович выскочил первым. Следом за ним Гордей. Но в отличие от медика, занявшегося лежащим на санях телом, далеко не ушел. Подал мне руку, помог соскочить со ступеньки.

Лютый январский ветер, живо пробравшись под полушубок, едва не остудил меня до состояния сосульки. Пришлось поспешить в приемное отделение полицейского участка. Где, как мне было доподлинно известно, и в морозец – уютно и тепло.

Час обеденный. Ни просителей, ни задержанных. Даже служивые присутствовали не все.

Пока я стаскивала с себя верхнюю одежду, Ермаков, метким броском, отправил пальто на вешалку. Стащил шапку,

прошелся пятерней по всклокоченным волосам. Затем выглянул в коридор и хриплым, простуженным голосом потребовал к себе Стрыкина.

Высокий, лысый усач появился через секунду.

– Доброго дня, госпожа Леденцова, – почтенно кивнул он мне, прежде чем обратиться к приставу. – Гордей Назарович, звали?

– Чаю нам с Софьей Алексеевной намешай. Да стопку водки горячей. Горло дерет, мочи нет.

– Будет исполнено!

– Нет не будет, – возмущенно воскликнула я, бросившись защищать грудь выход из кабинета. – Что это за варварство? Какая еще водка? Чай оставьте, но добавьте малинового варенья к нему.

– Так у нас не имеется, – почесал он лысую макушку.

– Спросите в трактире Хмельницкого за углом. И суп какой есть, чтобы с пылу, с жару, пусть с собой дадут. Будем вашего пристава народными методами лечить.

Усач опешил от такого напора. Едва не козырнул.

– Будет исполнено!

С интересом следивший за нашим разговором Ермаков иронично выгнув правую бровь.

– У тебя новое начальство, Стрыкин?

– Ваше благородие...

– Иди уже! – стоило подчиненному закрыть за собой

дверь, Гордей повернулся ко мне. – Редкая вы барышня, Софья Алексеевна. То татей лихих, как орешки шелкаете, то в медицине, как рыбка в воде. Каких еще интересных неожиданностей мне от вас ждать прикажете?

– Скажете тоже, Гордей Назарович. Всем известно, что зима – это время простуд. Люди болеют. Ходят в аптеки за микстурами и порошками. А кто не ходит – лечится... сомнительными средствами. Вам бы поберечь себя, дома отлежаться. Неровен час, жар начнется. Добавится еще больше проблем.

– Знакомец у меня имеется, провизор с Виганской аптеки. В баню посоветовал сходить. Медом натереться. Капли на луковом соке прописал. Да пустое все это. Батя мой, ежели простужался, стопку горячей водки выпивал – как рукой снимало.

– Силу самовнушения никто не отменял. Но мы с вами люди прогрессивные, дождемся солевого раствора. Он моего деда, Прохора Васильевича, за два дня от больного горла и заложенности носа избавлял.

Не знаю, как так получилось, что в пылу спора из меня вырвалось имя из прошлого. Я даже поежилась, боясь, как бы не последовали вопросы. Но благо Гордей, кажется, ничего не заметил. Отодвинул в сторону стопку газет. Наклонился вперед.

– Да я ж разве спорю? Дождемся. А вы, Софья Алексеевна, присаживайтесь, – кивнул он на стул. – В ногах правды

нет. И поведайте уж, как на месте преступления оказались.

«Гордей Назарович, я вижу призраков».

Нет, не то.

«Господин пристав, после того, как я приложилась головой и потеряла память, мне стали мерещиться»...

Боже, почему так сложно придумать правдивый ответ, не выглядя при этом сумасшедшей? Скажи он мне подобное, что бы сделала я? Еще пару месяцев назад покрутила бы пальцем у виска и посоветовала обратиться к врачу.

Как говорится – угодил одной ногой в болото, лучше не мучайся, шагай и второй.

Главное не юлить. Смотреть прямо в глаза.

Сев напротив, я положила ладони на стол и вздохнула. Мысленно.

– Это чистая случайность.

За спиной внимательно слушавшего меня пристава, материализовался призрак убитого юноши. Встретился со мной взглядом, поморщил нос – видимо, тоже не впечатлился началом – и взлетел к потолку.

– Не многовато ли случайностей для одной молодой барышни, Софья Алексеевна?

А ведь он не злится. И вроде даже ни в чем не подозревает. Только смотрит с насмешкой, ожидая, чего я еще такого выкину.

Кажется, в наших странных отношениях наметился се-

рьезный прогресс.

Если в первую встречу – у трупa госпожи Немировской – я чудом избежала заточения в арестантскую. А во-вторую, долго и нудно доказывала Гордею, что у нас с убитой госпожой Амадеей была назначена встреча, на которую она сама меня пригласила. То сейчас это больше походило на дружеский вопрос. Словно он свыкся с тем фактом, что у меня... негативная карма?

Главное, его в этом не разубеждать.

– Но это действительно случайность, Гордей Назарович. Мы с тетушкой и Дарьей Спиридоновной пили кофе в «Монпансье», чему есть куча свидетелей. Затем мне показалось, что я увидела в окне... знакомую. Выбежала на улицу, бросилась вдогонку. Совсем не помню, как оказалась во дворе того дома. Замерзла, растерялась. Кинулась к первой попавшейся двери. Думала, там сторожка и можно отогреться. А дальше... вы сами знаете.

– Случайность, значит...

– Ага, – кивнула я.

– А что знакомица ваша? Куды подевалась?

– Не знаю. Вполне возможно, мне просто показалось.

– Эвона как, - хмыкнул Гордей. – А в полночь, когда убийство произошло, вы, выходит, спать изволили?

Он что, издевается? Похоже...

Но меня так просто врасплох не застать.

– Вы сегодня крайне прозорливы, Гордей Назарович, –

ехидно улыбнулась я. – И предвосхищая следующий вопрос: тому есть свидетели, мои домочадцы.

Я пыталась по непроницаемому выражению лица, уловить ход его мыслей.

Не успела. Раздался стук, хлопнула дверь и по кабинету разнесся аппетитный мясной запах.

– Гордей Назарыч, как и просили, – чеканя шаг, Сtryкин подошел к суконному столу и поставил перед приставом деревянный поднос с полной миской дымящегося супа и двумя стаканами в посеребренных подстаканниках. – Щи суточные. С пылу, с жару. Чай крепкий. Варенья малинового только не нашлось.

– Ничего страшного, – поспешила заверить я расстроенного усача. – Как домой попаду, с Тишкой баночку передам. Вкуснейшее. Наша Глаша готовила.

– Как вы нынче заботливы, – заметил Ермаков, жадно поглядывая на миску.

Кадык дернулся. Крылья его носа затрепетали, уловив дразнящий аромат.

– Ну так всякий знает, с полицией лучше не ссорится, – крепко вцепившись в ручку подстаканника, я сделала глоток. По нутру разлилось приятное тепло. – Чревато.

Чтобы дойти до холодной – места, где хранились трупы, попадавшие на стол Поля Маратовича Лавуазье, – надо было лишь обойти участок и зайти в отдельное подвальное помещение.

Вроде бы рукой подать. Летом. Возможно, еще осенью и весной. А вот зимой, это расстояние увеличивалось в разы за счет плохо протоптанной дорожки, с глубокими сугробами, и застилающих глаза колючих снежинок.

Я и воротник приподняла, чтобы ветер до косточек не пробрал. И ступала, высоко поднимая ноги. След в след за Ермаковым, который, после сытного то ли завтрака, то ли обеда, заметно повеселел, поднабрался сил. И пусть все еще шмыгал носом и кашлял иногда. Ну хоть без надрывных хрипов, что бывают при воспалении легких.

Святая простота. Надеялся, что после учиненного им допроса, я тотчас отправлюсь домой, заниматься сугубо женскими делами. Даже попробовал возмутиться, стоило мне заикнуться об осмотре тела. Но я уже закусил удила...

Бодро взбежав по крыльцу, Гордей толкнул одной рукой дверь, а второй схватил меня под локоток. Помог взобраться по скользким ступенькам без происшествий. И пропустил первой в рабочее помещение, где в воздухе витал насыщенный медицинский букет из хлорки, йода и дегтярного мыла.

Поль Маратович, в своем неизменном грязном фартуке, вооружившись лупой и линейкой, кружил вокруг металлического стола, поверх которого, на белой простыне, лежало обнаженное тело молодого парня.

Призрак, влетевший за мной в холодную, утробно завыл, словно оплакивая свою незавидную участь. Порябил, помер-

цал. И растворился в воздухе.

– Поль Маратович, удалось что-то выяснить? - поинтересовалась я, стаскивая с себя полушубок.

– Ах, это вы, Софья Алексеевна? Полагал, что изволите заглянуть. Вынужден подтвердить – произошло убийство.

– С чего взяли? - подошел к нему Гордей и принялся разглядывать неестественно длинную из-за перелома шею покойного. – Зазевался, поскользнулся, упал. Зимой и не такое случается.

– Тут и без вскрытия, Гордей Назарович – картина ясная, – твердо возразил ему француз. – Причина смерти – асфиксия. То бишь удушение. Парнишке полностью перекрыли кислород. Об этом говорят разрывы сосудов в глазных яблоках, синюшный цвет лица, кровь под носом. А шею сломали уже после. При чем, голыми ручищами.

Пройдясь по телу скользящим взглядом, я начала вслух отмечать детали.

– Парень, хоть и худой, как щепка, но поджарый, высокий. Выше вас, господин пристав, на добрую голову. Мышцы ярко выраженные. Явно юркий, подвижный. Такого, обычный человек в оборот не возьмет. Из-за спины набросились. Широкой ладонью дыхание перекрыли. Видно, что отбивался. Отсюда синяки и царапины.

– По всему выходит, силен наш душегуб?

– Высок ростом, широк в плечах, - подтвердила я его догадку. – А еще, либо знает местность как свои пять пальцев,

либо хорошенько изучил ее перед нападением. Про подвалы только дворники да жильцы ведают и заглядывают туда редко. Загнал жертву, как охотник добычу, и расправился. Вопрос – зачем?

– Ограбление? – с неким азартом во взгляде включился в нашу игру господин медик.

Гордей скрестил руки на груди и отрицательно качнул головой.

– Ворье – народ простой. Шилом, финкой в бок, топором по шее. Затем обчистят до портков и деру. А тут руками голыми. И что ж за невидаль такая – сорок пять рубликов, да на видном месте, а не взял?

– От дела... – удивленно выдохнул Поль Маратович. – Сколько служу, а такой щедрости не встречал.

– Вполне возможно, имела место личная неприязнь, – предположила я, пожав плечами. – Или убийца не из бедных. Или был пьян, не ведал, что творит? Для точных выводов, нужно выяснить личность парня. Что нам о нем известно?

– Шинелька старая, шило в кармане. Чего тут думать? – невесело скривился Гордей. – Уличная босота. Изволю полагать, из «голубятников».

– Простите, откуда? – теряя нить разговора, захлопали я глазами.

– Это, милая Софья Алексеевна, каста так зовется воровская, – принялся объяснять мне господин Лавуазье. – Дома и квартиры у небедствующих людей обирают подчистую, зале-

зая с крыш. Тут сноровка немалая нужна. Зато почета больше, чем «стекольщикам».

— А «стекольщики», выходит, те, кто лезут в окна? — Гордей кивнул и у меня в голове словно щелкнул рубильник. Взгляд упал на стоящую в углу вешалку с одеждой парня. — Пятна сажи...

— Они, родимые, - отозвался пристав, отойдя от металлического стола. — Долго у ворья деньжата не держатся. Кто в кабаке на водку спускает. Кто на билетных иль на марух [1].

— И что сие значит? — затаил дыхание господин Лавуазье.

— Изволю думать, срезал он их накануне, обчистив знатный дом...

— Ну, конечно, - обрадовавшись, закивала я. — Отопление-то, в основном, печное. Тут никакая сноровка не спасет. А значит, наведался он туда, где имеется камин. А это, развлечение не из дешевых.

— Вы только поглядите, Поль Маратович, чему нынче обучают в институтах благородных девиц, — кривовато усмехнулся Ермаков. — А мы-то все думали, по старинке — смиреннию и покорности.

— Вот в знаниях о смирении и покорности, милейший Гордей Назарович, у меня, признаться, пробел.

На лице пристава мелькнула досада, быстро обратившаяся самодовольной улыбкой.

— Что ж вы Софья Алексеевна так на себя наговариваете? Прилежней барышни еще поискать. Повезет же... кому-то.

Ну... тип. Ничем-то его не пронять. Ты ему слово, он в ответ – десять. Хорошо хоть зеркал поблизости нет. Еще не хватало любоваться на свои красные, как роза, щеки и уши.

– Вор этот мальчишка или нет, его убийца должен быть найдет, – поспешила я сменить тему разговора. – Поль Маратович, если вас не затруднит, сделайте, пожалуйста, снимок. Я попрошу Дарью Спиридоновну опубликовать его в «Сплетнике». Авось кто откликнется. Устроим открытое опознание.

Гордей шумно выдохнул.

– Пустое это, Софья Алексеевна. Свои в воровском миру порядки. Ежели его и узнает кто, опознавать не станут. Себе дороже.

– И что прикажите делать?

– Вам – ничего, – сказал он, как отрезал. – Вернетесь к тетушке. Успокоите ее расшалившиеся нервы. Поль Маратович заполнит формуляр. Я вызнаю у Яшки, что там с допросом жильцов злополучного дома. А к ночи наведаюсь на Балагуниху...

Ермаков не успел договорить, а я уже онемела от возмущения. Хотелось верить, что не навсегда.

– То есть, отсылаете меня домой, чтобы под ногами не вертелась, а сами... я не поняла. Куда?

Судебному медику слова пристава тоже не пришлись по душе. Заворчал что-то под нос, засопел.

– Вы б хоть Стрыкина с собой взяли. Гиблое же место!

А вот теперь я испугалась не на шутку.

– Да что же это за место такое, Гордей... Назарович?

– Балагунихский рынок, - сказал, будто выплюнул, француз. – Гнойная рана на теле Китежа. Обиталище нищих, попрошаек, каторжников, беглых арестантов. Лихих людей всех мастей. Лабиринт расплодившихся ночлежек и глухих подвалов. Свой дорогу найдет, а чужим там нечего делать. Зашибут по пьяни, аль топором в глаз. И зареют тело. Был и весь вышел человек-то. Торгуют всем, чем придется. Ассортимент широкий. От истертых подметок, до золотых перстней. Краденых, разумеется. Собранных по домам и улицам города. Туда даже полиция не суется. А уж прочие – тем более. Там свои порядки и законы. А попрешь против – не жди жалости. Кончат без суда и там же захоронят...

– Поль Маратович, хорош пугать барышню, – прикрикнул на него Гордей. – Еще не хватало искать нюхательные соли.

– Да разве ж я хоть слово неправды сказал? – обиделся медик. – Все честь по чести, как оно есть. Салават Ефимович, прошлый наш пристав, с их главарем, Иглой, негласный договор заключил – его люди не творят произвол, а полиция обходит Балагуниху стороной. Неужто, Гордей Назарович, по-другому никак?

– Никак, Поль Маратович, - поджал губы Ермаков. – Убийство произошло на моей территории.

И так жестко это было сказано, что по моей спине поскакали мурашки размером с прусаков. Рыжих и мерзких.

Не хватало только, чтобы Ермаков закусился с местным главарем мафии. Добром это однозначно не кончится.

– Я иду с вами... – бойко заявила я, но даже аргументы привести не успела, как раздался громоподобный рык.

– И речи быть не может. Даже не просите.

– Я и не собиралась, – ответила приставу не менее хищным прищуром. – Но подумайте сами – с вами всяко лучше, чем без вас?

Сделав шаг, он навис надо мной подавляющей тенью.

– Может мне вас в арестантскую посадить?

– За что?

– Было бы за что, уже бы сидели!

Какой же он... упертый. Пора прекращать этот бессмысленный спор, иначе до серьезной ссоры доведет.

Подняв руку, я прижала ладонь к мерно вздымающейся и опускающейся груди Ермакова.

– Гордей Назарович, вы прекрасно знаете, как я сильна в маскарade. Переоденусь в мужское, буду всегда рядом. В вашем обществе мне ничего не грозит.

Поджав губы, он кивнул на распростертый на столе труп.

– Смею предположить, вам этот мальчишка стал весьма дорог?

Именно этот момент выбрал призрак, чтобы материализоваться над нашими головами. Мой взгляд непроизвольно скользнул вверх.

– Люблю его, как родного.

[1] Любовница, сожительница.

Глава 3, Где не пойман – не вор

Тишину гостиной изредка прерывали выразительные те-тушкины вздохи. Горестные, полные печали. У кого угодно испортился бы аппетит.

Я не исключение. Даже подумывала сказатьсь больной и запереться в комнате. Но вернувшись от родственников Глаша к ужину приготовила запеченную утку. Такую восхитительную, что от одного лишь запаха во рту непроизвольно скапливалась слюна.

Полагала, закончу со своей порцией и откланяюсь, надеясь избежать тяжелого разговора. Он назревал с того самого момента, как я вернулась из участка домой. Но мои планы перевернулись с ног на голову, когда на столе появился сочный и румяный расстегай.

– Сонечка, девочка моя, умница-разумница, да разве ж это дело, по заботам полицейским, в ночь, бог весть куда идти? – все же не выдержала, оторвалась от еды и взмолилась Инесса Ивановна. – Одумайся, миленькая. Неужто Гордей Назарович сам не сдюжит? Не женское это занятие, покойников разглядывать, да преступления раскрывать. Тебе бы вышивать, с подружками на санях по паркам кататься.

Все же зря я ей поведала о нашей с Ермаковым ночной вылазке. Сбежала бы тихонечко. Глядишь, никто бы не хватился до самого утра. А теперь...

Благо не уточнила – куда мы собрались. Узнай тетушка о Балагунихском рынке, чую, меня ждали бы не уговоры, а самый настоящий скандал.

– Инесса Ивановна, дорогая, молю, поймите, криминалистика – это мое призвание. Моя страсть, моя жизнь. Я не мыслю себя без нее. Вышивание, праздность – не дают мне удовлетворения. Другое дело – торжество справедливости. Я свято верю – только оно спасет наш мир. Что касается Гордея Назаровича, тут не поспорить, он настоящий профессионал. Но, как и любой мужчина, смотрит на некоторые вещи однобоко. Ему порой тоже требуется женский взгляд. Никакой опасности в этом нет. Я, как консультант полицейского сыска, всего лишь предоставляю посильную помощь.

– Но что скажут люди? Девушка незамужняя целыми днями подле неженатого мужчины кружит... - не сильно проникшись моей пламенной речью, покачала головой тетушка.

От неожиданности, я застыла с открытым ртом.

– Это совсем не то...

– Да разве ж я спорю? Боюсь, только другим свои знания в голову не втемяшить. А ваше новое дело? По слухам, с тем убиенным расправился сам волколак.

Вошедшая в гостиную Глаша громко охнула и едва не выронила из рук поднос с чаем. Пришлось сорваться с места. Помочь избавиться от ноши. Усадить резко побледневшую девушку на диван.

Затем достать из кармана платок и, не придумав ничего лучше, помахать им перед ее лицом.

– Глаша, что с вами?

– Софья Алексевна, барышня, выходит – жизнь тихая кончилась? Волколаки в город вошли?

– Будет вам в небылицы верить, – проворчала я. – Сказки это. Не существует их.

– Да какие ж это сказки, ежели взаправду все? Маменька еще сказывала про люд лесной, что в волков оборачиваются. Она своими глазами видала. Зверюшек, коренья не трогают. Но стоит молодцу заплутать в лесу – учуют, да живо съедят.

– А если заплутает не молодец, а, допустим... старик со старухой? Съедят? – немного подумав, Глаша кивнула. – А если девица?

– Девиц в жинки берут.

– Вот так и берут, всех без разбору? – усмехнулась я. – А что на это говорят волколаки женского полу? Я бы на их месте крепко возмутилась, оставшись не у дел.

– Да разве ж женщинам в таких вопросах слово дают? – захлопала глазами горничная. – Не много ли чести мужчине испрашивать позволения?

– Простите, Глаша, но ваши слова не выдерживают никакой критики. Кто в здравом уме, непонятно кого, из лесу, в жены брать будет, когда есть свои – родные, только руку протяни?

– Чего не ведаю, того не ведаю, барышня. Однако, каждый в этой жизни свой интерес блюдет...

Какой такой интерес у волколаков к заплутавшим в лесу девицам, я так и не узнала. Наш разговор прервал совсем не деликатный стук.

Почему-то я даже не подумала о том, что для встречи с криминальными элементами Китежа, Гордею придется переодеться. Сменить сидевший на нем как влитой форменный мундир на повседневное. Заправленные в сапоги соломенного цвета штаны, пиджак, картуз и теплое пальто.

Впрочем, даже в простой одежде, он умудрялся выглядеть полицейским. Ведь она не скрывала ни военную выправку, ни внимательный, отмечающий каждую деталь прищуренный взгляд.

– Прошу простить, за столь поздний визит, – обратился Ермаков к Инессе Ивановне.

Тетушка расплылась в вежливой улыбке.

– Наши двери всегда открыты для вас, господин пристав. Рады видеть в любое время.

И настроение, судя по хмурым бровям, довольно скверное. Не сулящее мне ничего хорошего. То ли до сих пор не простил наглого шантажа, которым мне пришлось воспользоваться, дабы настоять на своей точке зрения. То ли запах запеченной утки напомнил о скудном обеде?

Голод – не тетка, ужином не угостит. Зато я могу задобрить приглашением.

– Гордей Назарович, дело подождет. Не стойте вы на пороге, присаживайтесь за стол. Глаша, подай гостю тарелку, приборы. И чаю с малиной намешай.

Ломаться пристав не стал. Как и набивать себе цену. Устроился напротив. Наложил себе с горкой ароматного мяса. Пожелал нам с тетушкой приятного аппетита и принялся его уничтожать. С шумом, обычно сопровождающим прием пищи стаей голодных псов.

Не могу сказать, что в моей жизни было много поводов чувствовать умиление. Но вид идущего на поправку мужчины, который, не стесняясь, демонстрировал завидный аппетит, шевельнул женские струны в душе.

Опасаясь этой странной реакции, я поспешила не дать ей развиваться.

– Что там Яшка, добросил жильцов?

– Точно так.

Потребовалось несколько минут, прежде чем я поняла – это весь ответ, не стоит ждать продолжения.

– Вы нонче в цивильном? – прервала затянувшуюся паузу Инесса Ивановна. В ее голосе слышалось ничем не прикрытое волнение. – Я полагала, вас с Сонечкой ожидают служебные дела.

– Точно так.

Прикрыв ладонью рот, я едва сдержала рвущийся наружу неуместный смешок.

– Тетушка, Гордей Назарович хочет сказать, что вы все верно полагали. Простите, не могу вдаваться в подробности – тайна следствия. Но там, куда мы направляемся, полицейская форма... ни к чему.

– К слову о форме, – обрел голос, утоливший первый голод Ермаков. – Я там в прихожей мешок с вещами для вас оставил, Софья Алексеевна. Будьте любезны примерить.

А вот это уже неожиданно. И дело не в одежде. Я и сама планировала одолжить у Тишки мальчишеский наряд. Но раз об этом позаботился сам пристав...

– Мешок с вещами? Но зачем? – захлопала глазами тетушка. – У Сонечки полный гардероб с новенькими платьями. Третьего дня с Глашей от модистки возвратились.

– В полночь, в Борсуковском театре костюмированный прием дают, – бросил мне руку помощи Гордей. – Мне билеты удалось достать. Софья Алексеевна обещалась составить компанию.

– Эка новость! – внезапно воодушевилась тетушка, приговорно пригрозив мне пальцем. – И молчит, негодница. Служба у нее. Дела. Неужто я бы запретила, милая? Такой-то повод. Маскарады – моя девичья страсть.

Пока она продолжала вспоминать свою бурную молодость, а Гордей вгрызался зубами в утиную шейку, Глаша успела принести из прихожей заплечный мешок. Взяв его, я, откланявшись, вышла из-за стола и направилась в свою комнату.

Не хотела заставлять себя ждать. Приставу для негодования только дай повод. Но стоило выйти в коридор, как до меня долетел полный заботы тетушкин голос.

— ...не все же трудиться, Гордей Назарович. Мужчина видный, благородный. А все бобылем. Жениться вам надобно. Хорошая хозяйка и обогреет, и оденет, и накормит...

На весь дом раздался сиплый мужской кашель. То ли пристав еще не выздоровел, то ли переволновался, то ли костью подавился. Кто его знает?

— Дык на жизнь не жалуюсь, Инесса Ивановна. Служба не в тягость. Обедаю в трактире. Прачка за бельем ходит. Иных забот нет.

Услышав его оправдания, я не стала сдерживать улыбку. Не ведает бедный, что сопротивлением только подзадоривает старушку. Теперь костью ляжет, но постарается его женить. Найдет молодую барышню на выданье, среди знакомых девиц. Устроит смотрины...

Внезапно перед глазами предстала странная картина. Ермаков в жюри конкурса красоты, выставляет оценки вышагивающим по подиуму полуголым красавицам. Сердце стянула неясная тревога. Настроение резко испортилось. Чего я вообще тут подслушиваю стою?

Ускорила шаг. Закрылась в спальне. Бросила мешок на кровать. Встала перед зеркалом. Потянулась к пуговицам на домашнем платье и... Едва не закричала, увидев в отражении материализовавшегося за спиной призрака.

– Вот черт, нашел же время!

Грозный свист пристава разбудил извозчика, мирно дремавшего на козлах пролетки. Заняв место рядом со мной, Гордей накрыл нас накидкой из медвежьей шкуры, насквозь пропахшей терпким потом. Холеная лошадка потащилась по мерзлому январскому снегу. Колеса, жалобно скрипя осями, заскакали по ледяным ухабам. И сколько «лихач» [1] не орудовал кнутом, скорости это не прибавляло.

Гордей заметно нервничал. То шапку на мне поправит, то верхнюю пуговицу старенького тулупа застегнет. Видимо, переживал, как бы маскарад наш раньше времени не раскрылся. Хотя, непонятно с чего?

Да, мужские штаны в бедрах оказались тесноваты. Обрисовывали изгибы. Но их отлично скрывали длинная шерстяная рубаша и серый тулуп до колен. Сапоги сели, как влитые. Подумаешь, на два размера больше. Зато не тесно и довольно тепло. Под шапкой ни волосинки не видать. А тетушкин пуховый платок надежно укутывал шею и верхнюю часть лица.

Призрак убитого парня, которого я с трудом прогнала из спальни, увидев меня, так высоко приподнял брови, что они затерялись в его призрачных волосах. Об Инессе Ивановне и говорить нечего. Судорожно сглотнув, тетушка схватилась за сердце. Глаша побежала за пустырниковым настоем. Дабы не усугублять и без того безнадежную ситуацию, я вытащила Гордея из-за стола и бросилась бежать.

Предвкушение во мне боролось с нетерпением, заставляя

крутиться на месте, разглядывая незнакомые темные улицы. А моего недовольного соседа, шумно вздыхать.

– Господин пристав, – громким шепотом, чтобы быть услышанной, но не извозчиком, обратилась я. – Позвольте полюбопытствовать, где вы взяли эту одежду? Вам она, определенно мала.

– Яшка подсобил. Да вы не переживайте, Софья Алексеевна, чистое все. Прачка постаралась.

– Я и не переживаю, – заверила его. – Все в целости верну обратно.

Ветер, подхватив моей звонкий голос, донес его до извозчика. Мужчина, обернулся. Нахмурился. Завертел головой. Но быстро успокоился, решив, что показалось.

– Как прибудем, извольте придерживаться правил, – сквозь зубы процедил Гордей. – От меня ни на шаг. И не подавать голос. Он у вас уж больно... женский. Мигом вскроют.

Повернувшись ко мне всем корпусом, он взял меня за подбородок, приподнял его вверх и повертел в стороны. Затем достал из внутреннего кармана пальто жестяную коробочку с ваксой. Открыл, зачерпнул немного мизинцем. И поставил пару отметин мне на щеку и под нос.

– Тпру, залетные! – гаркнул «лихач» и остановился посреди пустой улицы. Повернулся к нам, схватился за шапку, потупил взгляд. – Не сердчай, барин, но дальше я ни ногой. Ба- лагунихский рынок дело такое – свистнуть не успеешь, как

без коней оставят.

– Ладно уж, тут не далече, дойдем, – не стал с ним спорить Гордей и кинул двугривенный.

Действительно, стоило нам свернуть за первый же угол, как жизнь забила ключом. Темнота ночи, окутывающая прилегающую к рынку мрачную улицу, сменилась ярким светом газовых фонарей и масляных ламп. Народу на Балагунихе – не протолкнуться. Приходилось бороться за каждый шаг. А шум стоял такой, что и себя не слышать.

Со всех сторон – пьяный мужской рык, звонкий женский смех, кричалки торгашей. Рот не разинуть. Опасно. Того и гляди – снесут с ног и не заметят.

- Подходите, подходите, на товары поглядите!
- Яблочки моченые, сочные, золоченые!
- Ложки, колокольчики, вилки, молоточки!
- Не товары, сущий клад, разбирайте нарасхват!

Жуткое место. Чарующее. Заставляющее позабыть кто ты и для чего сюда явился. Ноги сами несут к прилавкам с яркими побрякушками, которые хочется трогать и разглядывать часами. И если бы не крепко придерживающий меня за ворот тулупа Ермаков, растворилась бы в толпе и, как пить дать, пропала.

От городской, предновогодней ярмарки, на которой мне

довелось побывать, этот рынок отличался атмосферой тревожности и специфическим контингентом.

И торговали, и покупали в основном мужчины, отталкивающей наружности. Заросшие, бородатые, в грязных одеждах. Окружавшие их женщины вели себя развязно. Явно не обременены моралью. В приличном – как мы с Гордеем – тоже попадались, но были окружены кем-то вроде телохранителей. И интересовали их лавки с товаром побогаче.

Чем глубже мы заходили в толпу, тем громче становились вопли, крики и споры. Драки тоже случались. Пока в отдалении. Будь я чуть менее любопытна и настойчива – качества, которые мой покойный дед Прохор Васильевич именовал не иначе как «вожжа под хвост попала» – давно бы бросилась обратно.

Где-то под ногами раздался писклявый детский голос:
– Спешите видеть! В Китеж с представлением прибыл цирк уродцев. Бородатая женщина, человек-лобстер, силачи, сиамские близнецы, человек-слон, гадалка, трехгрудая девица! Всего за четвертак...

Перед нами выпрыгнул мальчишка лет шести, держащий в руках стопку напечатанных листовок. Всучил парочку стоящим рядом мужикам и поспешил исчезнуть. Но пристав оказался проворнее. Схватил его за ворот худенького пальтеца. Шикнул, да поволок искать более-менее свободное от людей местечко.

Такое нашлось на удивление быстро. Позади хилого са-

рая. Всю дорогу до которого мальчишка пытался вырваться, звал на помощь, кричал...

И хоть бы кто-нибудь голову повернул, поинтересовался чем дело. Прав был Поль Маратович описывая этот вертеп. Ой, прав.

– Пусти, дяденька, – скривил чумазую мордашку пацаненок. – Деньжат у меня нет.

– Не надобны мне твои деньжата, – отрезав все пути к отступлению, отпустил его Гордей. – Ответишь на вопрос и ступай.

– Какой такой вопрос, дяденька? Не знаю я ничего.

– Где Игла?

В отличие от меня, мальцу странное имя было знакомым. Ныть перестал. Глаза хитро сузил. Листовки за пояс заткнул.

– А тебе он по какой надобности?

– Не твое то дело, – без всякой злости, ответил ему пристав. – Говори, давай.

– А коли ты из фараонова племени? Скажу, опосля Игла мне шилом в бок? Один риск, без интересу. Какая мне с того корысть?

Мальчишка, без сомнений, смышленный. Понял, что бить не будут. А значит можно и права покачать. Но с приставом не забалуешь.

– Интересом, – начал медленно закипать Гордей и схватил мелкого за ухо. – Считай то, что непоротым уйдешь.

– Ай, дяденька, все скажу! Токмо пусти!

– Веди к Игле.

– Да куды ж вести? Нет его туточки, – снова занял паренек. – Сын у него родился. Почитай неделю уж в «Малиновке» гуляет.

– Эт в кабаке на Стольской? – паренек кивнул. Гордей повернулся ко мне. – Отсель недалече.

– Дяденька, пусти. Я же все сказал...

Вытащив припрятанный «на всякий» целковый, я сунула его в маленькую ладошку. Резко сомкнувшись, она исчезла в кармане пальто. Малец, не став испытывать судьбу, юркнул приставу под руку и дал стрекача. Только снег из-под ног разлетался.

На промерзлой земле осталась лежать одинокая листовка. Подняв ее, я вчиталась в текст, прошла взглядом по нарисованному шатру. Затем сложила лист и засунула за пазуху.

– Что это за кабак такой, Гордей Назарович? – шепотом поинтересовалась я, когда Ермаков протиснувшись сквозь толпу, вывел нас к дороге.

– Выгребная яма, – поморщившись, выплюнул он. – Оби-талище воров, где спускают награбленное. Запомните главное, Софья Алексеевна, в «Малиновке» не принято глазеть по сторонам. Так что иль в пол, иль на меня.

Я кивнула.

– А кто такой этот Игла?

– Старшина Китежских воров. Ежели кто и знает, что за

труп на Пряникова нашли – это он.

– Но мальчишка сказал, что он уже неделю в кабаке сидит. Пьян поди. Как с ним разговор вести?

Гордей расплылся в лукавой улыбке.

– Имеется у Иглы особенность... Шибко уникальная, дабы о ней не стало известно в полиции. Хоть ведро водки в пасть ему влей – не пьянеет он.

За нами следили.

Я чуяла это отчетливо, каждой клеточкой своего тела. Затялок странно покалывало. Под кожу словно забрался рой муравьев. Оглядывалась. Прислушивалась к посторонним шагам. Никого. Продуваемая всеми ветрами узкая улочка была пустынна. Лишь над головой пронзительно каркало воронье.

Ермаков, ни о чем не спрашивал. Шел рядом, продолжая удерживать мое предплечье. Наконец послышались звуки скрипки и гитар. Цыганские напевы. Впереди показалось двухэтажное деревянное строение, с висевшей на двери табличкой, с надписью «Малиновка». Покатая крыша занесена снегом. Из окон лил слепящий свет.

Не дойдя до крыльца, я остановилась.

– Случилось чего, Софья Алексеевна? - приподняв правую бровь, поинтересовался пристав. – Иль испугались?

– Гордей Назарович, – понизила я голос до едва слышного шепота. – Я точно знаю, за нами следят. От самого рынка. А может и раньше.

Думала он удивится. В крайнем случае, недоверчиво покачает головой. И он покачал. Только с ехидной усмешкой.

— Экая вы бдительная. И ничего ж от вас не скроешь. Вмиг обличите.

— Значит, я права?

Кивнул.

— Да вы не тревожьтесь. Стрыков это, с городовыми. Шпионы из них, как из говна пуля. Скрытничать не обучены. Топают, будто не вяжущий лыка тать. Но ежели нужда в них будет, подсобят. Филеров надобно было звать. Да все, зараза такая, при деле.

— Все же послушались Поля Маратовича...

— Полагаете, я осмелился бы рискнуть вашей жизнью заради ваших пустых угроз? Ха! Не найди провожатых, запер бы в арестантской, а утром сvez бы к вашей любезнейшей тетушке.

И ведь не шутит. Вон как желваки на лице заиграли. Быстро поднялся по ступеням, схватился за ручку двери. Обернулся, ожидая меня.

Царящая внутри атмосфера заставила бы вздрогнуть даже работников сумасшедшего дома. И дело не только в пестрой, шумной толпе и спящем в углу на цепи медведе. Сбивающий с ног стойкий запах кислятины и перегара. Стон вынимающей душу скрипки. Смех и крики. Цветастые юбки пляшущих черноволосых, обвешенных бижутерией девиц. Все это кружило голову, заставляя позабыть зачем мы здесь.

Что там говорил Гордей - «не принято глазеть по сторонам»? Господи помилуй, но как тут не глазеть? Легче приказать себе не дышать.

Благо никому до нас не было никакого дела. Кроме местного персонала.

– Милости просим, господа хорошие, – раскланялся, подскочивший к нам половой [2], – Ожидает вас кто? Али отужинать желаете?

– К столу веди, – кивнул ему Ермаков и потянул меня за руку. Небольшой стол, в самом углу, отыскался враз.

– Чего изволите, ваше благородие?

Глядите-ка, а пристава-то узнали. Он, конечно, не распространялся. Но, видимо, не редкий гость.

– Выпить, да закусить. И поскорее.

– Наливка из морошки у нас высшего качества, – не переставал заискивающе улыбаться молодой, кучерявый паренек, с едва пробивающимися усиками. – Капустка квашенная. Пирог с перепелами, с пылу с жару.

– Неси, все неси, – кивнул Гордей. Но прежде, чем половой успел скрыться, схватил его за белую рубаху и притянул к себе. – Игле шепни, что разговор имеется.

Глазки маленькие испуганно забегали. Нижняя губа задрожала. Парнишка судорожно сглотнул и резко побледнел.

– Оне... с барышней в верхних нумерах. Шибко серчать будут, коли побеспокоить...

Пристав сурово нахмурился.

– Передай, дело есть к нему, срочной важности, – голос стал тверже, со стальными нотками. – Ежели не спустится, пущай пеняет на себя.

Шумно выдохнув, парень закивал. Дождался, когда выпустят из хватки и исчез. Не прошло и нескольких минут, как к нашему столу подскочил еще один. Положил в центре поднос с графином. Закуску и пирог, чей дразнящий аромат перебил витающую в воздухе удушающую вонь.

Гордей развалился на стуле, закинув ногу в сапоге на колено второй. Отломил себе приличный кусок. Положил его в рот.

Даже завидно.

Мне бы тоже расслабиться. Послушать песни. Капуста, опять же, на вид, вроде ничего. Но от волнения все внутренности сжимались так, что и маленький кусочек в горло не пролезет.

Скорая встреча со старшиной городских воров одновременно нервировала и вызывала нетерпеливое предвкушение. Я даже мысленно не могла представить человека, управляющего такой разношерстной толпой. Заставляющего себя бояться. Возможно, уважать... Что за зверь этот Игла?

– Какие люди в нашем убогом месте, – вдруг раздался за спиной вкрадчивый мужской голос. – Господин Ермаков. Чему обязан столь приятным визитом?

Резко обернувшись, я едва удержалась, чтобы не раз-

заявить рот. До того увиденное меня поразило.

Своим внешним видом старшина воров отличался от кабацкого контингента, как день от ночи.

Никаких тебе брылей, как у старого бульдога, которыми могли похвастаться половина из присутствующих в «Малиновке» пропойц. Вонючих рубаш с дырявыми штанами. Просящих есть сапог.

Мужчина лет тридцати оказался так сладостно красив, что у меня непроизвольно свело зубы.

Аккуратная прическа, волосок к волоску. На гладкий лоб спадал светлый, романтический локон. Глаза серые, с поволокой. Ровный римский нос. Губы пухлые. Щеки розовые, будто не обошлось без румян.

Темный костюм без единой пылинки. Из модной жилетки выглядывали золотые часы на цепочке. На указательном пальце огромный перстень. И вообще, весь он, начиная от лаковых ботиночек, словно только что сошел с обложки журнала высокой мужской моды.

Это что же за воры нынче пошли? Разговаривает правильным, чистым языком. Представить его на Балагунинском рынке так же невозможно, как корову в пачке. Выглядит, что начищенный пятак. Ни синячка, ни царапинки. И как только шушера поменьше не брезгует с ним ручкаться?

– Евсей Борисович, дорогой. Да вы присаживайтесь, – кивнул ему Ермаков и выдвинул стул справа от себя. – Я к вам по частному вопросу.

– Вы нынче в любопытной компании? – ленивый взгляд скользнул по моим рукам, которые я поспешила спрятать под стол. Для верности, еще и платок шерстяной до самого носа натянула.

– Не обращайтесь внимания, помощник это мой... Доверенный, – не бросив на меня ни единого взгляда, ответил ему Гордей. И тут же поспешил сменить тему. – Слышал, сын у вас родился. Извольте принять глубочайшие поздравления.

– От вас, Гордей Назарович вдвойне приятно. Благодарю, – устроившись на стуле, он кивнул застывшему за его плечом юнцу.

Тот, будто выдрессированный пес, исчез и тотчас вернулся с подносом, на котором лежала тарелка с нарезкой свежих фруктов.

И откуда такое чудо посреди зимы? Видимо, комплимент от заведения для почетных гостей.

– Что же за вопрос у вас ко мне, Гордей Назарович? – Игла выглядел максимально расслабленным, даже ленивым. Но цепкий взгляд от ищущего глаза не скрыть. – Помощь полиции – богоугодное дело. Тем паче, что делить-то нам с вами нечего. Завсегда договоримся.

И так по-хитрому глазами сверкнул. Будто на что намекал.

– Отрадно иметь дело с умным человеком, – поддержал его словесную игру Ермаков. – Не давеча, как нынче утром на Пряникова был найден труп.

Я не отрывала глаз от лица вора, боясь упустить его реакцию. Удивления не последовало. Игла едва не зевнул, до того сонный у него был вид.

— Вы же знаете, господин пристав, мои люди рук в крови не марают...

— Да разве ж речь об этом? — не стал, однако, комментировать его заявление Гордей. — Меня более заботит кто таков? С кем вел дела? Мальчишка, имею полагать из ваших.

Игла усмехнулся. Поднял ручку, обвел оживленный зал.

— Все наши нынче туточки, Гордей Назарович. А ежели кто нет, тот не из наших.

— Эка ж напасть, — с притворным сожалением покачал головой пристав и стал подниматься. — Думал, полюбовно все решить. Но на нет и суда нет. Наслышан, Балагуниху давненько с инспекцией не посещали. Да и кабачок этот, с чегой-то бывший пристав стороной обходил. Знаю, вы с ним условились. Да только времена нынче другие. Власть, опять же, сменилась. Непорядок...

Скрипка выводила веселую мелодию. Цыганки продолжали петь и плясать. Лишь за нашим столом возникла напряженная тишина. Одно радовало, никто из присутствующих этого пока не заметил.

Игла, сжав губы в тонкую линию, сцепился с Ермаковым в дуэли взглядами. Бессмысленная, надо заметить, затея. И так ясно, кто победит.

Угрозы пристава не пустой звук. И пусть численное пре-

имущество, в данный момент, на стороне старшины воров, если полиция серьезно возьмется за дело, ему первому влетит.

Благо, противник нам попался не глупый. Сам до всего дошел. Расслабился. Резко откинулся на спинку стула. Снова расплылся в обворожительной улыбке.

– Ну что вы, Гордей Назарович. Куда же так раненько за-
собирались? Где, говорите, тело нашли, на Пряникова? Лю-
ди у меня глазастые. Да и слушать умеют. Вы погодите, на-
ливочки пока выпейте. Холодненькая, да под закусочку... Я
вскорости к вам возвернусь.

Дождавшись, когда пристав займет свое место, мужчина
поднялся, отвесил нам краткий поклон и исчез в толпе. При-
служивающий ему парнишка поставил на стол блюдо с ду-
шистыми соленьями.

– Борщец!

– Покорнейше благодарю, – отрицательно качнул головой
Ермаков. – Мы уже сыты.

– А вы рискованный человек, Гордей Назарович, – не сдержав
нервного смеха, шепнула я, стоило половому оставить нас
наедине.

– Было б чем рисковать, – так же тихо фыркнул он и на-
хмурился. – Порядком уже знакомство имеем, а все не бро-
сит меня на крепкость проверять. Вы не глядите на его фран-
товатый вид и пригожую внешность. Игла себе на уме. По-
четное место у воровской кормушки не реверансами заслу-

жил...

Приставу удалось разбудить мое любопытство. А вот утолить его – нет. У нашего столика материализовалась веселая девица, с черной, кудрявой гривой. Пристава взглядом обласкала. Мне внимание уделила, как какому-нибудь стулу. Повела подолом едва державшегося на плечиках платья и принялась танцевать.

Да так лихо, что все находящиеся рядом мужчины загляделись.

– Шею не выверните, – потянувшись вперед, нежно шепнула я Гордею.

Он дернул головой, закашлялся, хлебнул наливки и закусил соленым огурцом. Взгляд, чтобы более не блуждал, устремил в тарелку.

Заметив это, девица, подошла еще ближе. Взмахнула пестрыми юбками... Задела мою шапку. Слетев с головы, та покатилась под стол.

Собранные в жгут волосы, рассыпались по плечам, привлекая к нам всеобщее внимание. На секунду в кабаке замолчали все, даже музыканты.

Дыхание застряло в горле. Сердце сделало кульбит.

– Гляди ж ты, Яшка, никак барышня?

– Взаправду, Федор. Ишь кака, красавишна.

Идущие по залу шепотки, сменялись лающим смехом.

Я поняла, что задержала дыхание, когда Гордей поднял с пола шапку, отряхнул и натянул мне на голову. Затем схва-

тил за талию, подтянул к себе.

– Чего рты раззявили? – гаркнул так, что в ушах зазвенело. – Зенки лишние? Маруха это моя.

И головой повел, вдруг кто возразит?

Никто не возразил. Лишь материализовавшийся над нами призрак, взглянув на накрытый стол, судорожно сглотнул.

– Помощник, значит... доверенный, – раздался рядом насмешливый голос Иглы.

Заняв свой стул, он поднял руку и представление резко завершилось. Веселая девица исчезла. Музыка заиграла. Даже призрак снова растворился. Гости вернулись к своим делам.

– Надежда и опора, – не растерялся Ермаков, ссаживая меня обратно на мое место. – Узнали чего, Евсей Борисович?

– Кое-что узнал, – будто случайно задел он меня томным взглядом и отвернулся. – Человек мой нонче утром на Пряникова крутился, когда полиция прибыла. Фраера признал. Мишка это, Осипов. Лаптем средь нас кличут. Так, мелкая шелуха. Что за гайменник [3]его порешал не знаю. Не наши то дела. Вчерась еще в приюте на Балагунихе с дружками трепался. Опосля видали его с неким господином у Корьевского ломбарда.

– Что за господин?

– А это вы, Гордей Назарович, у нас полиция, – лениво усмехнулся, отправляя в рот щепоть квашеной капусты. – Кто он таков и по какой нужде, выясняйте сами. Болтают,

на силача циркового похож. Ходит в твидовом костюме. При пышных усах.

Игла может и знал, кто это был, но решил умолчать. Гордей не стал давить. Похоже, ему пока хватило полученной информации.

— Благодарю, Евсей Борисович, вы очень помогли. Приятно было свидеться. За сим откланиваемся.

К выходу мы шли под всеобщими взглядами. Мои ноги не гнулись. Руки дрожали. Из всех пор хлестал восторг.

Не каждый день выпадает удача, испытать опасное приключение. Кажется, я впервые жалела, что не веду личный дневник.

[1] Извозчик, наемный, с хорошей упряжью. Отличался быстрой, порой неосторожной ездой.

[2] Трактирный слуга

[3] Убийца (вор. жаргон)

Глава 4, Где призраки верят в тебя

Погода с утра разошлась. Ветер бил в окно, как тяжелый молот. Вьюжило так, что не разглядеть ничего. Лишь плотная, белая пелена. При виде которой, несмотря на тепло в доме, мурашки по коже.

Инесса Ивановна, раз выглянув, отменила поездку к приятельнице. Глашу на рынок, спозаранку, тоже не пустила. Только Тишка на угол, за свежим номером «Сплетника» сбегал. И потом еще час горячим чаем отогревался.

Единственная, кого не смутила метель – заявившаяся к нам ни свет ни заря Градислава Богдановна Соловицкая. Крестная моей почившей предшественницы. Женщина волевая, во всех смыслах – эффектная.

Она была ровесницей тетушки, но выглядела несколько моложе. Крупная. Фигура, как сдобный пряник. Седина не так выбивалась из уложенных на макушке темных прядей. Лишенное морщин румяное, широкое лицо.

Ни улыбки, ни теплого взгляда. Лишь сведенная в одну линию широкая бровь и серьезность в задумчивых глазах.

Мы виделись не в первый раз. Она присутствовала на помолвке Сонечки и графа Бабишева. Приезжала, чтобы поздравить нас с тетушкой на Новый год. Была еще попытка затащить меня на их посиделки в ее дом на Гороховской,

где Инесса Ивановна с подругами устроили книжный салон. Но получив категорический отказ, подкрепленный заверением в моей жуткой занятости, смертельно обиделась. С тех пор наше общение с госпожой Соловицкой из восторженно-непринужденного, сделалось официально-сухим.

План на сегодня у меня был четким. Отправиться в Мещанский участок, взять Гордея Назаровича под локоток. Проехать с ним до Пряникова, поспрашивать народец, не видел ли кто на днях усача в твидовом костюме. Авось найдется свидетель и к убийце приведет.

Под составленный мной и Полем Маратовичем портрет, описанный Иглой мужчина подходил идеально. Дело оставалась за малым - найти и наказать.

Все что угодно, лишь бы парящий сейчас над Градиславой Богдановной надоедливый призрак Мишки Осипова, обрел покой.

Но, к сожалению, из дома пока было не сбежать.

– ...бедная Наташенька, – покачала головой тетушка. – Лишиться супруга во цвете лет.

– Все к тому шло, – поджала и без того тонкие губы крестная. – Подумать только, при больном сердце злоупотреблять горячительным!

– Избави бог! – ахнула Инесса Ивановна.

– Наслышана я, водился за Федором Ивановичем такой грешок. Ну ничего, распродаст наследство – там картин одних на миллион – оплатит мужнины долги и заживет. Деви-

да она видная, охочие на такой товар живо найдутся. Как и до Сонечки нашей...

Выразительный взгляд прошелся по мне, оставляя на коже липкую дорожку. Стало не по себе.

– Замужество – дело не хитрое, – согласилась с крестной Инесса Ивановна. – Был бы жених достойный.

Градислава Богдановна покачала головой.

– Эх, и чем же граф Бабишев не угодил? Подумаешь, долги? У кого нынче их нет? У Сонечки приданное – дай бог каждому. А что отец приемный душегубом оказался, так не родная кровь. Зато при титуле была бы. Подле первого в Китеже красавца...

Ну началось... Крестная села на любимого конька. Пора срочно менять тему.

– Градислава Богдановна, вы женщина в городе не последняя. Со многими знакомства ведете. Скажите, была ли вам известна столичная медиум, госпожа Амадея?

– Амадея? – выдавила, закашлявшись она. – С чего вдруг такой странный вопрос?

– Не знаю слышали ли вы. О ее кончине писали в газетах...

– Что-то такое припоминаю, – она нахмурилась, перевела на Инессу Ивановну полный удивления взгляд. – Лично представлены мы не были. Однако, виделись на приемах. Взяли в моду, гадалками, гипнотизерами гостей развлекать.

Что-то утаивала Градислава Богдановна. Что-то важное.

Я читала это в ее бегающих по гостиной глазах.

— И как мы сами не додумались, на прием в честь помолвки гадалку позвать? — закинула еще одну неловкую удочку, расплывшись в неестественной улыбке. — Авось не разбежались бы. Вы, Градислава Богдановна, кстати, помните тот обед?

— Разумеется! Так ты нас всех напугала, душечка. Мы с ее сиятельством Акулиной Никитишной, как раз свадьбу обсуждали, а тут крик... Прошла-то эта твоя, амнезия?

Тетушка тихонько вздохнула и ответила за меня.

— К несчастью, нет.

Всякий слуга закона знает, что порой, с помощью одной лишь только логики, можно разгадать криминальный умысел и, в конечном итоге, поймать преступника.

Смерть Сонечки, в теле которой я прочно обосновалась, была редким и досадным исключением.

Как я не пыталась угадать мотив, по всему выходило, что у Градиславы Богдановны его попросту не было. Добавить сюда алиби, которое еще требовалось проверить — в момент Сониного убийства она, по ее словам, находилась в обществе вдовой графини — то дело получалось запутаннее, чем мне казалось изначально.

Да, у меня имеются еще две подозреваемые, приятельницы Инессы Ивановны, присутствующие на злосчастном обеде. Но, может, зря я мудрую и все намного проще?

В дом забрался грабитель. Соня стала невольной свиде-

тельницей, за что и поплатилась.

Логично? Логично. Легко и просто.

Но каким боком тут смерть госпожи Амадеи, убитой – по предварительному анализу – из того же орудия?

Не будь они знакомы, я бы списала случившееся на происки той же банды. Но нет... Слишком много совпадений. А они в нашей работе – зверь редкий.

Пока я молча уничтожала горячие пирожки с зимней вишней, крестная продолжала плакаться над моей незавидной холостяцкой долей. Тетушка, за неимением возможности вклиниться в ее пламенный монолог, подперла щеку ладошкой и изредка косилась на первую полосу лежащей рядышком газеты. Маятник на стене метался как мышь в норке, чувствуя на себе жадный кошачий взгляд.

– Батюшки святые! Что же это делается? – воскликнула вдруг Инесса Ивановна, резко отпрянув от стола. – О волколаке проклятом пишут...

– О ком? – вытаращив глаза, воскликнула госпожа Соловицкая, и потянулась за газетой. Быстро пробежавшись глазами по машинописным строчкам, она остановилась на нужной заметке и сглотнула. – «В утренний час, двадцать пятого января, в подвале дома номер три, на улице Адмирала Пряникова, было найдено неопознанное тело молодого мужчины, с переломанной шеей. Свидетелей происшествия не нашлось. Однако, среди местных жителей ходят слухи, что причиной смерти стало нападение волколака. Мифического

существа, способного обращаться из человека в волка. Так ли это на самом деле, уже завтра расскажет городской репортер Д.С. Колпакова. Не пропустите!»

Из моего рта непроизвольно вырвался неуместный смешок.

Дарья времени зря не теряла.

Нет точных данных – не беда. Навела тайны. Приковала внимание читателей. Даже интересно, что она такого сенсационного завтра выдаст?

– Это неслыханно! - четко озвучила свой вердикт Градслава Богдановна и свернула газету. – Не тревожся Инесушка. Сплошные сплетни и пустые домыслы.

А вдруг действительно, при опросе местных, Колпакова раскопала то, чего Якову не удалось? Гордею это вмешательство в дела полиции точно не понравится.

Я уже видела, как он рвет и мечет. Грозит «Сплетнику» всеми карами небесными...

По дороге в участок, придется сделать крюк и посетить редакцию. Что бы не думал Ермаков, журналисты, порой, люди полезные.

Кумскую улицу, где располагалась редакция «Сплетника», в котором трудилась акула пера – Дарья Спиридоновна Колпакова, накрыло вьюгой так, что ни зги не видать.

Даже призрак преследующего парня решил «а ну его» и растворился в воздухе. Благо возникший попался толковый. Быстро нашел нужный двухэтажный дом из жженого кирпи-

ча. Помог мне, не утонув в сугробе, сойти с пролетки. И, получив за свои старания выше причитающегося, отвесил низкий поклон.

С моего прошлого визита, случившегося месяц назад, в просторном, светлом помещении, насквозь пропахшем типографской краской и табаком, мало что изменилось.

Все те же очереди в кассу, из желающих подать объявление. Толпы репортеров, до яростных криков спорящих друг с другом. Будничная суета.

Игнорируя разноголосый шум, я направилась к самому дальнему столу, который, насколько мне было известно, занимала моя хорошая знакомая. И не прогадала.

Сидевшая вполоборота знакомая блондинка, прикусив кончик языка, аккуратно выводила буквы на бумаге. Пряди выбились из прически. На плече лежала длинная, растрепанная коса.

– Здравствуйте, Дарья Спиридоновна. Как ваше здоровье?

– Софья Алексеевна, радость-то какая! – оторвавшись от работы, воскликнула она. – Присаживайтесь, рассказывайте. Какими судьбами к нам?

Колпакова придвинула мне стульчик, дождалась, когда займу его и мазнула демонстративно невозмутимым взглядом по свежему номеру газеты, зажатой у меня в руках.

– Отчего-то думаю, что вы уже знаете, – иронично выгнула бровь. – Ваша сегодняшняя статья...

Улыбка девушка померкла. Взгляд сделался хмурым и настороженным. Как у птицы, готовой до последнего защищать свое гнездо.

– Ах, вы об этом. Дык обмана не совершила. Всю правду до жителей Китежа донесла. Разве это дело – скрывать опасного душегуба? Неровен час, сызнова на охоту пойдет.

– Полиция расследует это дело...

– Чему я безмерно рада. Но и вы, Софья Алексеевна, меня поймите. Как люди, не знаяши, поберегутся?

– То есть, эта статья – а особенно последние слова, где вы обещаете предоставить еще больше информации – не способ поднять тиражи?

Дарья возмущенно засопела. В глазах полыхнули совсем не притворные искры.

– Напраслину возводите.

– Я лишь надеюсь, что ваша новая информация, не помещает нам с Гордеем Назаровичем в поисках убийцы. Он тоже, знаете ли, может читать газеты. И чем больше посвящен в тайны следствия, тем осторожнее и опаснее станет.

– Нет и не было никакой «новой информации», – подскочив со стула, девушка сжала ладони в кулаки и начала ходить из стороны в сторону. – Это всего-то попытка привлечь всеобщее внимание. Писательский прием. Я лишь хотела сообщить, что никакой наш душегуб не волколак. Покуда ходят эти слухи, кто-то ведь и рукой махнет. Мол, сказки. Мое назначение, как городского репортера, подобное пресечь.

Признаться, та горячность, с которой она говорила, заставила меня опустить в пол пристыженный взгляд.

Сосредоточившись на поимке убийцы, я даже не задумалась о подобном исходе. Заразившись от Ермакова нелюбовью к прессе, обидела хорошего человека беспочвенными домыслами. Тогда как намерения у нее были самые что ни на есть благородные.

– От всего сердца прошу у вас прощения, Дарья Спиридоновна. Мои слова... это и вправду было лишнее.

– Будет вам, Софья Алексеевна, – заметно расслабилась Колпакова и вернулась на место. – Кто старое помянет, тому глаз вон. Не изволите по чашечке чаю? За негаданную встречу. Я ведь и вправду, дюже рада вас видеть.

Отказываться было, во-первых, не вежливо. А во-вторых, нерационально, тем более что у меня оставалось еще несколько вопросов. Правда, ответить согласием не успела. К нам подошел холеный, с внушительным брюшком, но гордой осанкой, остроносый господин.

– Прошу прощения за вмешательство, – поклонился он мне и тут же повернулся к Колпаковой. – Дарья, ты случаем Бореньку нынче не видала?

– Не приходилось, – задумчиво протянула она. – И вчерась, вроде, редакцию не посещал.

– Вот же охальник окаянный, – выругался мужчина. – Занял пятого дня сорок пять рубликов. Клятвенно обещался нынче же вернуть.

Боренька... Боренька...

Помнится, в прошлый мой визит, встречал меня похожий на циркового штангиста наглый усатый парень в твидовом костюме. Погодите. Это, конечно, может быть чистым совпадением. Но мускулы, твид, усы...

Я привыкла доверять своей интуиции, и обычно, когда у меня в голове щелкает переключатель, это что-то значит. Но в данном конкретном случае, уверенности не было никакой.

Описание Игла дал поверхностное. Ну сколько в Китеже может жить мускулистых усачей, имеющих в гардеробе твидовый костюм? Десятки? Сотни? Тысячи? И какое мне дело до одного из них? Подумаешь, не вышел на работу. Вдруг заболел? А я тут уже планы в голове строю, как вламываюсь в квартиру или дом и, под гром оваций, арестовываю опасного преступника.

Пока я размышляла, холеный господин с прямой спиной успел скрыться в толпе. Колпакова, приняв мое молчание за положительный ответ, занялась приготовлением чая.

– Дарья Спиридоновна, а что за «Бореньку» вы сейчас обсуждали? – как бы невзначай поинтересовалась я. – Уж не того ли усатого молодого человека, что проводил меня к вам в прошлую нашу встречу?

– Он самый, – закивала девушка. – Борис Аркадьевич Хвалёнов. В «Сплетнике» он третий месяц, хоть мы полагали, что и двух дней не продержится. Больно ленив и рассеян показался. Однако успел зарекомендовать себя, как основа-

тельный и прогрессивный репортер. Внешность, порой, обманчива.

– А вот такие пропуски в его характере? Часто случаются?

Дарья задумалась, оторвалась от заварника, приложила палец к губам.

– Знаете... На моей памяти - впервые. Дюже странным это нахожу. Задержки, разумеется, случались. Но Боренька всегда наперед об них предупреждал. Разбередили вы мне сердечко своими вопросами, Софья Алексеевна. Записку с мальчишкой-газетчиком что ли послать?

– Вы знаете, где он проживает?

Она кивнула.

– Мы соседствуем. На Корнеплодной, дом под номером... то ли сорок, то ли сорок один.

Судорожно сглотнув, я поднялась с места. Чувства переполняли меня, как чашу, выплескиваясь через край.

– Дарья Спиридоновна, а может ну его, эту записку? Съездим вместе. Самолично проведаете коллегу?

Колпакова насторожилась, прищурилась, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Чует мое сердце, темните вы что-то, Софья Алексеевна. Недоговариваете. Однако расспрашивать я погожу. Отправляемся немедленно!

Сборы были скорыми.

Дарья не стала отвлекаться на других репортеров или незаконченные дела. Схватила верхнюю одежду, небольшой

ридикюль и заспешила к выходу. Выбежала на улицу первой, подняла руку, пытаясь привлечь внимание редких, проезжавших мимо пролетов. Но несмотря на то, что метель немного улеглась, проясняя видимость, останавливаться никто не спешил.

Мы уже было отчаялись. Пока внезапно из-за угла не вывернул знакомый лихой кучер, погонявший великолепную четверку, запряженную в легкую, четырехколесную коляску. Та остановилась у крыльца, ведущего в редакцию. Отворилась дверца, являя того, кого я меньше всего ожидала здесь увидеть.

– Софья Алексеевна, какая неожиданная встреча, – слегка опешил, но быстро взял себя в руки граф Бабишев. В зимнем пальто, с пышным кунным воротом, да при новой трости, с блестящим серебристым набалдашником, высокий блондин выглядел франтовато. И только глубокие тени под глазами, на фоне общей бледности, выдавали его усталость и напряжение. – Сердечно рад!

– Сергей Данилович, – не менее озадачено пробормотала я. – А вы здесь какими судьбами?

Мужчина замялся.

– Так... – Он покосился на дверь, ведущую в редакцию. Затем медленно отвел взгляд, будто что-то для себя решил. – Катался по городу. Гляжу, две прекрасные барышни кличут извозчиков. В такую-то метель – дело это гиблое. Дай,

думаю, подвезу.

Я ему не поверила. Почему-то казалось, что врать Сергей не умел. А когда пытался, выходило неловко и глупо. Но и уличать его во лжи тоже не собиралась. Я же не у входа в бордель его застукала? И не в темной подворотне, над бездыханным телом...

Пауза затянулась.

– Простите мне мое невежество, – я перевела внимание на свою попутчицу. – Позвольте представить вам Дарью Спиридоновну Колпакову. Мою хорошую знакомую и городско-го репортера газеты «Сплетник». А это мой добрый сосед – его сиятельство граф Бабишев.

– Сергей Данилович, – склонил он голову перед внимательно разглядывающей его румяной блондинкой. – Ежели скажете, куда держите путь, с превеликой радостью довезу.

– На Корнеплодную.

– На Мещанскую.

Воскликнули мы с Дарьей в унисон. Сергей удивленно приподнял брови. Колпакова недоумевающе моргнула.

– На Корнеплодную, через Мещанскую, – поправилась я и повернулась к девушке. – Надеюсь вы не против, Дарья Спиридоновна? Поймите, дело деликатное. Будет лучше, если Гордей Назарович составит нам компанию.

Уточнять, в чем именно заключается деликатность, требующая присутствие пристава – ведь мы всего лишь планируем навестить ее коллегу – Дарья благоразумно, не стала.

Лишь тревожно свела брови и подняла на Сергея вопросительный взгляд.

Бабишев кивнул.

– Как будет на то ваша воля.

Переговорив с кучером, он помог нам с Колпаковой забраться в коляску. Сам устроился напротив. Вытянул ноги. Уставился вдаль.

Мысли заработали с утроенной скоростью, в попытке выбрать наиболее нейтральную тему, что заинтересовала бы всех. Но, так как светская беседа – не мой конек, выходило с трудом.

Разговор о погоде закончился так же быстро, как и начался, дружным согласием с утверждением, что январь в этом году на редкость суров. Обсуждение здоровья маменьки, Сергей резко завернул, сообщив, что Акулина Никитишна в прекрасном самочувствии. На помощь пришла Дарья и попробовала забросить удочку с наживкой из беспечной жизни в столице, куда все китежцы так стремятся. На что Бабишев даже слов тратить не стал, лишь задумчиво кивнул.

Я было совсем отчаялась – устроившегося меж нами слона не замечать стало практически невозможно – но вдруг припомнилась вчерашняя встреча.

– Как вам понравилась выставка пейзажистов? Надо признать, мы с Инессой Ивановной вышли оттуда в полном восторге, – за неимением сочных эпитетов, пришлось позаимствовать тетушкины. – Какая богатая цветовая гамма, неве-

роятные приемы...

Сергей заметно оживился. Окрестности его более не привлекали. Даже взгляд сделался веселее.

– Бог с вами, Софья Алексеева, – усмехнулся он. – Я бы назвал все представленное в музее живописи одним кратким, но дюже емким словом – мазня.

Колпакова закашлялась. Ее и без того румяные щеки, стали в разы краснее. Глаза прищурились. Устремленный на Сергея взгляд наполнился странным чувством. Сильно смахивающим на... злость?

Граф Бабищев, ничего не замечая, продолжал:

– Я ни в коем разе не стал бы посещать это место, не обещаю они выставить у себя доселе неизвестное полотно руки Тропинина. Однако ж и тут обманули...

– Но как же? – возмущенно прервала его Дарья. – Разве могли они знать, что владелец картины внезапно скончается? А безутешная вдова не найдет в себе сил заниматься сторонними делами?

– Вполне возможно, вы правы, – беспечно пожал плечами Сергей. – Однако слухи разные ходят. Шепчутся, будто нет у вдовы никакой картины. А афиши ввали, дабы заманить как можно больше гостей. Музей на грани разорения. Что немудрено. С таким никчемным владельцем, как господин Кокошников, ни одно дело на плаву не продержится...

Я знала о господине Кокошникове ровным счетом ничего. А потому и ответить мне было нечего. В отличие от Дарьи.

Которая, судя по вырывавшемуся из ноздрей белому пару, была готова грудью на защиту музея и его владельца встать.

Благо до спора не дошло.

Коляска, преодолев заснеженную мостовую, остановилась напротив знакомого крыльца. Дарья, насупившись, осталась сидеть на месте. Бабишев, спустившись первым, помог мне сойти, проводил до крыльца и вернулся обратно.

Стоило дернуть за ручку входной двери и войти в приемное отделение, как наряду с жаром от разогретой печи, меня захлестнул многоголосый крик.

– Держи скотину!

– Руки... руки сволоте вяжи!

Прямо посреди помещения, на полу лежал мужик. Огромный, как огр. Воеет не по-человечески. Одежда грязная. Волосы сальные. Борода до пояса. Да такой невиданной силищи, что потребовалось трое служивых и устроившийся на широкой спине пристав, чтобы его усмирить.

– Гордей Назарович? – опешив, прохрипела я.

– Софья Алексеевна? – откликнулся не менее удивленный Ермаков, под чьим глазом наливался здоровенный лиловый синяк.

– Вот, значит, как вы службу несете, господин пристав? – строго выговаривала я, прикладывая к подбитому глазу Гордея ком свежего, январского снега.

В окно бил студеный ветер. Царь на висевшем портрете молча смотрел вдаль. Ермаков покорно сидел на краешке

столешицы. Я – напротив. В кабинете, куда мы переместились после того, как полицейские, скрутив неопрятного мужика, увели его в арестантскую, больше не было ни души.

– Несу, как должно, – с обидой в голосе ответил он. – Во-ра, что у бабки на рынке кошель срезал – изловил. Деньги пострадавшей вернул. Отпустить собирался, за неимением ущерба. Кто ж знал, что этот черт леший умом скуден и с кулаками кинется? Шиш ему теперь, а не свобода.

– Вы собирались отпустить преступника? – удивленно захлопала я глазами.

– Закрытие дела по обоюдному примирению сторон, не противоречит уголовному наложению, – по памяти процитировал он. – В том кошеле грош на дне лежал. Ежели я каждого, кого за руку по чепухе поймал, сажать буду – полгорода на каторге сгинет.

– А если не будете, то потонете в беззаконии. С вот такой чепухи зачастую вырастает крупная рыба. Вы уж найдите золотую середину. К примеру, заведите картотеку. Попался кто-то по мелочи разок, внесите его в список. Возложите штраф. Не может выплатить – назначьте общественные работы. Не выучит урок и попадется во второй, даже по той же мелочевке – тут уж никакой пощады. Как говорится – не ваша то вина.

– Во всем-то вы сведущи, Софья Алексеевна. – усмехнулся Гордей и тут же скривился от боли. – Восхищен широтой ваших взглядов. Разумное предложение. Всенепременно

учту.

— Ну все, я закончила, — убрала я руки за спину. — Холодный компресс требуется держать не более пяти минут. Синева немного спала. Я бы посоветовала приложить на ночь лист алоэ. Три дня, и будете как новенький.

— Сердечно благодарю, — кивнул он, поднимаясь с места. — Однако вы так и не сообщили, каким обстоятельствам я обязан удовольствием видеть вас?

А и верно. Совсем в этой суматохе из головы вылетело.

— У меня к вам срочное дело, Гордей Назарович, — и кратко поведала о своей поездке в издательство — о разговоре с Дарьей, о странном парне Борисе, чье описание один в один соответствует устному портрету, данному нам Иглой. Пристав слушал, хмурился, но кивал. А когда завершила словами, что снаружи нас ждет коляска графа Бабишева, любезно согласившегося подвезти до меблированных комнат на Корнеплодной, где квартирует подозреваемый — подавился воздухом и закашлялся. — Как видите, одним нам никак нельзя. Вдруг преступник поймет в чем дело? Решит оказать сопротивление?

— И как я прежде обходился без вас, — без должного энтузиазма посетовал себе под нос Ермаков, натягивая пальто.

Дальнейшая дорога, после неловкого обмена любезностями, прошла в гробовой тишине. Сидящая рядом Дарья, что-

то демонстративно строчила в своем блокноте. Устроившийся напротив граф, любовался проплывающими мимо видами. И только занявший место по правую руку от него Гордей, бросал на меня красноречивые взгляды. Как бы говорящие: «что я, черт возьми, здесь забыл?».

Если бы не свист ветра в ушах, а также резкие подвывания плывущего за нами призрака, мне бы было не по себе. Вбаламутила воду. Собрала людей. А вдруг этот Боренька вообще ни при чем?

С одной стороны, всякое бывает, лучше перестраховаться. С другой – вряд ли пристав после этого еще раз мне поверит.

Судя по внешнему виду здания – темно-красный кирпич, мраморные колонны, в виде поддерживающих небосвод атлантов, припорошенная снегом ярко-оранжевая черепичная крыша, – а также дежурившего у входа швейцара в парадной белоснежной ливрее, в меблированных комнатах «Зимняя сказка» квартировала публика с увесистым кошельком. Чаще это были одинокие барышни или холостые мужчины. Они пока не обзавелись собственным домом, но на то были свои уважительные причины, заключающиеся отнюдь не в деньгах.

Коляска, с запряженной в нее резвой четверкой, остановилась напротив вычищенного до блеска невысокого крыльца. Остаться ни Колпакова, ни Бабишев – провожаемый молчаливым, но хмурым взглядом Ермакова – не захотели. Увязались следом.

В просторном холле нас встретил улыбчивый управляющий.

Насколько позволяло внушительное пузо, низко поклонился. Внимательно ознакомился с полицейской книжицей. Без лишних вопросов вызвал коридорного, щуплого юношу с заискивающим взглядом. Он-то и проводил всю нашу честную компанию на второй этаж.

– Не открывают, господин пристав, – после пары стуков пожал плечами малец. – Поди нет там никого.

Дарья нахмурилась. Нервно вцепилась пальцами в ридикуль. Заметивший это Сергей, потряс выуженным из кармана целковым.

– Любезный, а не завалялся у вас, случаем, ключ?

Парень, будто зачарованный, уставился на монетку. Тяжело сглотнул. Расстроено выдохнул.

– Откуда, господин хороший? Акакий Мироныч запасные токмо у себя держит.

– Велите управляющему подняться, – сверкнул грозным взглядом Гордей. – Мы покуда подождем.

Полицию здесь, по всей видимости, боялись и уважали. Спорить коридорный не стал и рванул исполнять приказание.

Преследующий нас призрак Мишки Осипова, что летал над головами, растворился во входной двери. Затем резко вынырнул. Внешне не изменился, но лицо прозрачное будто

пасмурнело. Жаль, не спросишь ничего. И дело не в свидетелях. Выть начнет, я все равно ничего не пойму.

– Господа хорошие, да что же это делается? – показался на лестнице запыхавшийся Акакий Миронович. – Побойтесь бога! Такое беспокойство! Вы попираете права наших арендаторов!

Гордей пронзил его острым как лазер прищуренным взглядом.

– Извольте подчиняться. У нас имеются все основания подозревать, что в номере проживает преступник.

Зря он так. Управляющий мужчина не молодой. Покачнулся, за сердце схватился. Благо быстро взял себя в руки. Вытащил связку ключей, выбрал один и вставил в замок.

Никого из нас он вперед не пропустил. Первым шагнул в коридор, скрылся в гостиной. И тихим, как у мышки, голоском позвал постояльца по фамилии:

– Господин Хвалёнов. Покорнейше прошу простить...

Последующий за короткой паузой поросячий визг не вызвал у меня удивления. Скорее стоическое смирение. И легкое недоумение, когда рядом со знакомым мне призраком, материализовался еще один. Мало изменившийся с нашей первой и единственной встречи... призрак Бореньки.

Сергей заметно побледнел. Колпакова, прижав ладонь ко лбу, свалилась на него в глубоком обмороке. Я, стоя позади всех, могла только догадываться об увиденном.

Впрочем...

– Вот... холера! – хриплый голос Гордея, быстро все прояснил.

Одетый в шелковый халат и штаны, Боренька, раскинув руки, возлежал на одноместном диванчике и выглядел мертвее мертвого. Чего не скажешь о неугомонном призраке, который, не в силах поверить в случившееся, летал над своим остывшим трупом, завывая покруче ветра за открытым нараспашку окном.

Дарья тихонько плакала, уткнувшись носом в грудь Бабишева. Сергей успокаивал ее, стараясь лишний раз не глядеть на убитого. Их незадавшееся знакомство, в нынешних обстоятельствах, отошло на задний план. Акакий Миронович, оправившись от потрясения, воспользовался моментом и убежал за городовым. А мы с приставом внимательно изучали безжизненное тело.

Выводов вслух пока не делали. Вокруг находились посторонние, которым не обязательно вникать в кровавые – *не без этого* – подробности. Но даже беглого визуального осмотра было достаточно, чтобы понять – почерк убийства Осипова и Хвалёнова невероятно схож. Порванная одежда, синяки на руках и лице, сломанная шея. А значит, велики шансы, что замешено одно и то же лицо.

И если с первой жертвой все более-менее ясно. Щуплый вор, который и сопротивляться долго не станет. То со второй возникали вопросыки...

Накачанный, коренастый. Посреди комнаты, явно не для красоты, висел боксерский мешок. Это какой же надо обладать непомерной силой, чтобы такого заломать? А ведь я полагала, что он и есть убийца...

На спинке стула трепыхалось что-то желтое, воздушное, напоминавшее женский шарфик.

– Дарья Спиридоновна, – обратилась я к девушке, чьи плечи все еще подрагивали, ноги не гнулись, с губ срывались судорожные всхлипы. – Извольте припомнить, был ли Борис Аркадьевич женат?

– Есть супружница, – обернувшись и вскинув на меня красные, заплаканные глаза, кивнула Колпакова. – Да разьехались они давненько. Проживает, насколько мне известно, в деревне.

– А других барышень в жизни господина Хвалёнова не имелось?

– Да уж, наверное, крутил лямуры, – печально вздохнула она. – Кто нынче не без греха? Мужчина молодой, видный. Два года, почитай, в одиночестве. Не шутка. Но то лишь разговоры. С его любовницами я, простите, не знаюсь.

– Софья Алексеевна, во мне имеется еще какая нужна? – уточнил граф, подводя Дарью к выходу.

Я уже было открыла рот, чтобы ответить отказом, но меня опередили.

– Ежели вас не затруднит, Сергей Данилович, будьте любезны сопроводить госпожу Колпакову домой...

– Молю, не домой, – смахнула слезы Дарья. – После случившегося, я не смогу одна... Мне бы обратно в редакцию.

– Всенепременно, – поспешил заверить ее Сергей.

Пристав нахмурился.

– Дарья Спиридоновна, покорнейше прошу, покада не освещать случившееся в газете, – и добавил, уже суровее. – В противном случае, наша последующая встреча пройдет в Мещанском участке.

Колпакова поджала губы, но спорить не решилась. Видимо быстро осознала, не то для этого место и время.

Стоило им с Бабишевым откланяться, как в дверях появился широкоплечий и бородатый городской, назвавшийся Василием Кирилловичем Снегиревым.

К телу его не подпустили. Развернули на входе, отправив в участок за Полем Маратовичем и Яшкой. А перед лицом хлопающего глазами управляющего вообще закрыли дверь.

В комнате мы остались вдвоем. Появилась возможность наконец-то оглядеться.

– Ну что ж, Софья Алексеевна, в одном вы оказались правы, – произнес Ермаков, открывая шкаф, пестрящий одинаковыми брюками и пиджаками. – Перед нами господин «Твидовый костюм».

– Странно как-то все, – протянула я, разглядывая голые, серые стены. – Фантик, вроде, блестящий. Хотя внутри должно быть пусто.

Гордей прищурился.

– Как это понимать?

– Сами взгляните. Комнату снимает не из дешевых. Одежды добротной полный шкаф. Себя в чистоте, да порядке блюдет. На такую жизнь, жалованья городского репортера явно недостаточно.

Ермаков окинул долгим взглядом обстановку и махнул рукой.

– Дело не хитрое. Состояние жены промотал, сослал куда подальше, – он подошел к столу, выдвинул ящичек и достал лежавший на самом верху паспорт. – Хвалёнов Борис Аркадьевич, двадцати пяти лет отроду, из мещанского сословия... Не зря его с Лаптем видали. Явно ж краденое перепродавал.

Возразить мне приставу было нечего, тем более что я и сама пришла к тем же выводам. Отличная ширма для незаконных делишек – вхожий во все дома и кабинеты юный, талантливый городской репортер. Такой и наводку дать может и покупателя при деньгах найти. Для вора, вроде Осипова, настоящая золотая жила.

Я подняла взгляд на переставшего голосить призрака уса-ча. Он, вместе со вторым моим преследователем, висел над потолком. Взгляды у обоих устремлены вдаль. Отстраненные, словно не замечали друг друга.

Кто же их убил? Вернее, за что? Дорогу кому перешли или не ту вещь взяли? Судя по пристальному взгляду Гордея, внимательно изучавшего успевший остыть труп, его терзали

те же вопросы.

– Похоже, смерть наступила еще вчера, – задумчиво протянула я. – Поль Маратович скажет точнее, как и о содержании желудка и наличии ядов в крови. Но уже сейчас можно предположить, мы имеем дело с серией одинаковых смертей. И если убийца не нашел то, что ищет – преступления не прекратятся.

– Ищет? – удивленно вскинул правую бровь Ермаков.

– Ну да, – кивнула я. – Во-первых, пресловутые сорок пять рублей, найденные в руке первой жертвы. Именно такую сумму Борис Аркадьевич занял накануне у своего коллеги и клятвенно обещался отдать. А во-вторых, хотели бы просто убить, стукнули бы кулаком по голове, застрелили или ударили бы ножом и оставили умирать. А тут удушение. Долгая и требующая больших затрат сил процедура. Сначала добрались до Осипова, так как убийство произошло раньше. Денег не взяли, значит вещь больно ценная, не до мелочей. Осипов сдал сообщника. Пришли к Хвалёнову...

– Ежели искали тут, чего ж в комнате так прибрано?

Я пожала плечами.

– Возможно, вещь размерами велика, сразу в глаза бросается? Ну или Хвалёнов не стал ничего утаивать и либо отправил убийцу по третьему адресу, либо сразу все отдал. Впрочем, ему это, в любом случае, не помогло.

Пристав невесело хмыкнул.

– Иголку в стоге сена искать прикажите, Софья Алексе-

евна?

– Ну почему же иголку? Булавку с бусинкой. Нам известно, что человек, совершивший оба убийства, обладает недюжинной силой, раз с таким боровом справился, – кивнула я на покойного. – И ростом высоким, чуть выше Осипова. В первую очередь, необходимо обратить внимание на окружение Иглы. Хотя, я сомневаюсь. Не стал бы он о мужчине в твидовом костюме трепаться, если бы был замешан. Зону поиска придется расширить...

Договорить я не успела. Хлопнула входная дверь и в комнату ворвалась рыдающая навзрыд девица.

Небесное создание, на вид было воздушнее облака. Румяное личико. Небрежно собранные светлые волосы. Белый полущубок из песка. Красивое платье из замши. Ботиночки на каблуках, насколько мне известно с недавнего посещения обувного бутика, последний писк парижской моды.

Упав, во всем этом великолепии, на колени перед покойным, она спрятала лицо у него в ногах и запричитала:

– Боренька, свет мой! Ненаглядный! Горе ж то какое! На кого же ты меня оставил? Одну-одинешеньку!

Пристав, первым придя в себя, такого безобразия терпеть не стал. Взял несчастную за плечи. Грубо поднял.

– Потрудитесь объясниться, барышня, вы кто такая будете и как здесь оказались?

– Я... я... – всхлипывала она, все никак не в силах успокоиться. – Я Боренькина невеста.

– Невеста Бориса Аркадьевича Хвалёнова? – на всякий случай уточнила я. Девица, переводя испуганный взгляд с Ермакова на меня, кивнула. – Но насколько нам известно, он был женат...

– Ах, это... Супружница Бореньки совсем плоха, – утирая слезы беленьким платочком, сообщила «невеста». – Со дня на день отойдет в мир иной. Горе такое. Боренька просил потерпеть, переждать. Бог им не дал детишек. А мы так любим... любили друг друга. Это трепетное чувство, оно сильнее нас. Он не мог... понимаете? Не мог развестись, рассказать. Человек... умирает.

Ну, тут все ясно. Мало того, что репортер с ворами делишки имел, он, к тому же, оказался тот еще сказочник.

Мы с Гордеем понимающе переглянулись.

– Извольте представиться.

По всей видимости, пристава мало впечатлили горькие слезы красавицы. Губы, по обыкновению, строго поджал, брови нахмурил.

– Настасья Филипповна Олейникова я.

– Проживали вместе?

Она отрицательно качнула головой.

– Понимаете... Такие обстоятельства... Родня супружницы Бореньки без спросу наезжала в гости. Он оплачивал мне квартиру в доходном доме на Брюховской. Навещал часто.

– Виделись когда в последний раз? – уточнила я.

– Так вчерашним утром. Обещался к ночи быть. Я как чувствовала, что-то произошло. Не спала, сердце не на месте. С утра сюда кинулась. Управляющего у входа встретила. Акакий Миронович и говорит... – она снова всхлипнула.
– Говорит – нет его больше.

Слезы вернулись, а с ними безутешный плач.

– Как же я без него? Я не могу. Мне нельзя...

Понимая, в таком состоянии ее не допросить, я подошла к жалобно завывающей девице и приобняла за плечи.

– Настасья Филипповна, это сложно, но вам сейчас надо проявить душевную стойкость. Слезами горю не помочь. Я уверена, Борис Аркадьевич желал вам только хорошего...

Она уткнулась лицом мне в плечо.

– Вы не представляете каким он был. Мой Боренька... он как солнышко, освещал всю мою жизнь. А нынче... Кому я надобна?

– Мы с Гордеем Назаровичем обязательно отыщем его убийцу. И накажем по всей строгости, – погладила я ее по спине. – Если вы нам поможете.

– Убийцу? – тело под моей ладонью словно одеревенело. Девица медленно разогнулась, шумно выдохнула, приложила ладони к сердцу, отошла. – Бо-бо-бореньку убили? Бо-же святой, что же делается? Я-то, грешным делом, полагала сердце у него не выдержало. Встало. Да у кого только рука поднялась? Что за ирод проклятый? Что за нелюдь?

– Вот это нам и предстоит выяснить. Но, без вашей по-

мощи, Настасья Филипповна, никак. Скажите, вы не знаете молодого господина, по имени Михаил Осипов? Поговаривают, он один из знакомцев вашего жениха.

Она, не раздумывая ни секунды, яростно замотала головой.

– Ах, пустое это все. Не знаю... Я никого не знаю.

И так страстно все это было сказано, что сразу закрались сомнения – а ну как врет? Но в лицо-то не предъявишь?

– Вы уверены? Возможно, Борис Аркадьевич что-то покупал давеча? Дорогую вещицу домой не приносил? Вам не показывал?

Заплаканные глазки забегали. На лице еще сильнее заалел румянец.

– Ничего не знаю. Не видела, господа хорошие. Идти мне надобно. Мочи тут быть нет. Боренька мой... как же это все?

Сорвавшись с места, она бросилась к выходу, но была остановлена зычным окриком пристава:

– Наш разговор не закончен, госпожа Олейникова. К завтраму утру в Мещанский участок всенепременно пожалуйте. Дело особой важности к вам имеется.

Кивнув, барышня скрылась за дверью. Мы с Гордеем снова остались вдвоем.

– Допрос учините? – поинтересовалась я.

– Сами ж видите, Софья Алексеевна, знает она что-то. Знает и молчит.

Я вздохнула.

– Тут одно, либо боится, либо дело в деньгах. Надеюсь, вы не будете против, если я тоже поприсутствую?

Не последовало ни споров, ни шантажа, ни возражений. Лишь легкая усмешка, при виде которой мое сердце пропустило удар.

Глава 5, Где жестокость – понятие относительное

Поздний вечер в доме Леденцовых–Замировских проходил спокойно.

Инесса Ивановна, сидя в кресле-качалке, читала газету. Устроившаяся на краешке дивана Глаша – шила.

Двое призрачных мужчин, продолжая друг друга демонстративно игнорировать, висели под потолком. Тишка, на кухне, изучал алфавит, по подготовленным мною карточкам. И только я, забравшись с ногами в уютное кресло, предавалась безделью.

Не открыто, конечно. Делала вид, что слежу за разыгравшейся за окном вьюгой, но мыслями была далеко...

Допрос жильцов «Зимней сказки» не дал решительно ничего нового. Свидетелей преступления так и не нашлось. Бореньку Хвалёнова соседи, половые и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.